

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

У НАС В ГОСТЯХ

№ 3/2020

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 3/2020

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 Гаврюшов Н.Е.

К вопросу о снижении нагрузки на работу суда

6 Минаев А.В., Недвецкая Я.С.

Особенности доказывания безденежности договора займа

10 Затонова Д.Ю.

К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта

16 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.,

Шакирьянов Р.В.

Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства

24 Царегородцева Е.А.

К вопросу о возможности передачи дел приказного производства нотариусам

28 Медведев И.Р.

Судебные споры по программе реновации Москвы

33 Еремин В.В.

Виды арбитрабельности

38 Новикова Е.С.

Отдельные вопросы порядка исполнения актов Европейского суда по правам человека при пересмотре вступивших

в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

43 Грабельников В.Р. К вопросу об обязанности арбитражного управляющего привлечь специалиста для обеспечения исполнения обязанностей в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) и о злоупотреблении арбитражным управляющим правом привлечения специалистов

49 Смирнов В.И., Меньшикова П.А.

Особенности применения субординации требований кредиторов в процедуре банкротства

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

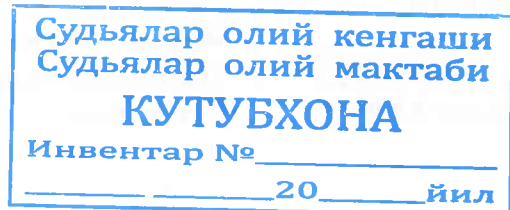
55 Аскаров Н.И.

Трансформация непоименованных договоров

У НАС В ГОСТЯХ

58 Ярков А.А.

К вопросу о допросе несовершеннолетнего свидетеля

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических наук,
доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифалин А.А., профессор, заслуженный юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Треушников М.К., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ**ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /**РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 24.03.2020.

Номер вышел в свет: 01.04.2020.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного

цитирования.

Гаврюшов**Никита Евгеньевич,**аспирант кафедры гражданского права и процесса
Института права
Челябинского государственного университета
gavryushov2000@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-3-5

К вопросу о снижении нагрузки на работу суда

В статье рассматривается вопрос о реформировании процессуального законодательства. В частности, целесообразность произведенной реформы процессуального законодательства, какие изменения были внесены, а какие нет и какие необходимы. Сделан вывод о том, что участие государственных органов в суде в большинстве случаев необоснованно увеличивает нагрузку на суд.

Ключевые слова: государственные органы, процессуальное законодательство, злоупотребление правом, реформы, нагрузка на суд.

В настоящее время политика государства в сфере реформирования гражданского процессуального права идет по пути активной оптимизации работы суда и совершенствования процессуального законодательства. В период с 2017 по конец 2018 г. юридическое сообщество было обеспокоено предложениями по внесению существенных и очень спорных изменений в процессуальное законодательство, которые даже назывались отдельными юристами «процессуальной революцией».

Предложения были сформированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 3 октября 2017 г. № 30¹, после чего и началось активное обсуждение подобного реформирования в профессиональном обществе.

Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 451-ФЗ)². Федеральный закон № 451-ФЗ имеет отрицательные и положительные стороны, последняя заключается в том, что в него не вошли спорные, «революционные» поправки, содержащиеся в проекте:

— не прошло предложение ВС РФ дать суду право оформлять «немотивированные» решения по большинству категорий дел;

— исключено положение о праве апелляционного суда не оформлять мотивированное постановление в случае, когда судебный акт оставлен без изменения, а апелляционная жалоба — без удовлетворения;

— не вошел в закон новый институт «поверенного», который представлял собой некоего «квалифицированного курьера»;

— отказался законодатель вводить предложенный ВС РФ общий запрет договорной подсудности (кроме дел с участием иностранных лиц).

Вторая сторона — это то, что Федеральный закон № 451-ФЗ представляет собой бессистемное и не развивающее процессуальное законодательство внесение изменений:

— произошла замена термина «подведомственность» на «компетенцию»;

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base= LAW; n=142949> (дата обращения: 10.12.2018).

² Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

— заменили формулировку «место нахождения» на «адрес»;

— ввели рассмотрение отвода судьи в арбитражном процессе судьей, которому и заявлен отвод, по аналогии с положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации;

— исключили принцип коллегиального рассмотрения дел апелляционным судом в арбитражном процессе;

— изменили некоторые сроки и лимиты денежных средств для рассмотрения дел.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что процессуальное законодательство не претерпело существенных изменений, за исключением реформы производства в кассационном суде общей юрисдикции, что отражает введение в структуру судов общей юрисдикции «сплошной» кассации, по образцу арбитражных судов.

Такое реформирование действующего процессуального законодательства, выражающееся в псевдооптимизации работы суда и изменении формулировок, несмотря на всю свою актуальность, не затрагивает более важные пробелы и недостатки в процессуальном законодательстве.

Предполагается, что одним из весомых недостатков, служащих причиной загрузки суда, является участие государственных органов в суде в защиту интересов Российской Федерации. Никто не говорит о том, что интересы Российской Федерации не нужно защищать, проблема в другом — в злоупотреблении таким правом.

Тем самым политика государства является противоречивой в сфере оптимизации работы суда путем уменьшения нагрузки и в области регулирования деятельности исполнителей, которые защищают интересы государства.

Существуют приказы, поручения и иные нормативные акты, которые регулируют деятельность государственных органов. Посредством таких актов вышестоящий государственный орган приказывает своим подведомственным

структурным образованиям при осуществлении защиты прав и законных интересов Российской Федерации обращаться в суд по категориям споров, которые дополнительно разъясняются в указанных актах.

Также государственным органам в случае негативного разрешения спора судом (неудовлетворение требований государственного органа, частичное удовлетворение требований государственного органа, удовлетворение требований против государственного органа) необходимо обжаловать такие судебные акты в апелляционную, а затем и в кассационную инстанцию без какой-либо перспективы по заведомо проигрышным делам, а по отдельным видам судебных разбирательств, содержащимся в приказе, обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с надзорной жалобой.

Ярким примером, отражающим подобное «злоупотребление правом», является приказ Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) от 31 июля 2015 г. № 312 «О взаимодействии Росимущества и его территориальных органов при осуществлении защиты прав и законных интересов Российской Федерации в судебном порядке»³ (далее — Приказ), который регулирует порядок деятельности территориальных органов Росимущества в судебных органах.

Так, в пункте 4 Приказа устанавливается, что «принятые не в пользу Росимущества и его территориальных органов судебные акты должны быть в обязательном порядке оспорены территориальными органами Росимущества в судах апелляционной и кассационной инстанций (а при наличии оснований — по новым или вновь открывшимся об-

³ Приказ Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) от 31 июля 2015 г. № 312 «О взаимодействии Росимущества и его территориальных органов при осуществлении защиты прав и законных интересов Российской Федерации в судебном порядке». URL: https://www.rosim.ru/documents/?doc_type=3326 (дата обращения: 10.12.2018).

стоятельствам с момента выявления соответствующих оснований) по правилам, установленным процессуальным законодательством».

Несмотря на то что подобные действия государственных органов являются логичными и обоснованными, при этом они являются фактором укрепления бюрократического аппарата и добавляющими работы судам.

Подобные приказы ставят под вопрос компетенцию представителей государственных органов, которые вынуждены действовать по инструкции, заложенной в «распорядительном документе». В случае если перспектива судебного разбирательства заведомо известна государственному органу как «безуспешная» (пропущены сроки давности, заведомо известно о неправомерности действий со стороны государственного органа, возможность разрешить спор вне судебного разбирательства), то у представителей отсутствует действенный и оперативный механизм отказа от требований либо же во избежание судебного разбирательства. Причиной этому является то, что подобный спор является одним из списка в приказе либо у государственного органа отсутствует механизм исполнения какого-либо действия и необходимо обратиться в суд, для того чтобы суд в решении разъяснил весь порядок действий, как делать можно, а как противоречит законодательству.

Еще одной проблемой является обязательная защита интересов Российской Федерации по перечисленным в Приказе категориям судебных споров. При этом

достаточно часто имеют место споры по малозначительным делам, в которых сумма задолженности является существенно меньше, чем стоит время работы юриста государственного органа и стоимость затрат на работу судебного аппарата за разрешение одного дела, а также расходы за представителя стороны оппонента.

В деятельности государственных органов не встает вопрос о ликвидности спора и о том, что не каждое судебное разбирательство несет положительные последствия для всех участников правоотношения, причем это могут быть все участники одновременно.

Таким образом, следует отметить, что реформирование гражданского судопроизводства и оптимизация деятельности работы суда должны носить комплексный характер. Для этого необходимо подойти к полноценному изучению и переосмыслению института представительства государственных органов. Сложная бюрократическая процедура участия государственных органов в суде, где каждый орган зависит от вышестоящего, перегружает судебное производство и усложняет многие процессуальные действия (такие как процедуры согласования мировых соглашений), призванные упростить судебный процесс.

Поэтому, ведя политику по снижению нагрузки на суд и повышению качества его работы, нужно бороться с причиной («бесполезные споры»), а не реформировать мелкие технические проблемы, которые не несут реальной пользы, такие реформы создают только вид проведения работы, а не саму работу.

Литература

1. Загайнова С.К. Какие последствия будет иметь отказ от мотивировки судебных актов? / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 35–36.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-6-9

Минаев
Александр Викторович*,

Недвецкая
Ядвига Станиславовна**

Особенности доказывания безденежности договора займа

В данной статье освещается специфика оспаривания договора займа по безденежности, рассматривается комплекс специальных условий, необходимых для признания незаконченным договора займа в связи с отсутствием доказательств получения денежных средств заемщиком.

Ключевые слова: Арбитражный процессуальный кодекс, арбитражный процесс, доказывание, оспаривание договора займа, безденежность договора займа, незаконченность договора.

Одним из самых распространенных договоров в области заемных правоотношений, исходя из сложившейся судебной практики, признается договор займа. Поскольку форма такого договора появилась ранее других, смежных по характеру взаимоотношений договоров, договор займа используется как наиболее общий и типовой образец регулирования отношений в области займа и кредита, что можно увидеть непосредственно в нормах гражданского законодательства (п. 2 ст. 819, ч. 1 ст. 822 и п. 2 ст. 823 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Понятие договора займа раскрывается в п. 1 ст. 807 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым займодавец передает в собственность заемщику деньги или другие вещи, а заемщик обязуется возвратить обозначенную в договоре денежную сумму либо количество вещей в переданном ему объеме. Момент заключения договора займа определяется моментом передачи денег (или других вещей, как установлено договором)¹.

Договор займа по своей правовой природе устанавливает обязанности только для одной из сторон — заемщика, из которых, в свою очередь, вытекают права займодавца. Таким образом, при заключении договора займа у заемщика возникают следующие обязанности перед займодавцем:

- возвратить займодавцу полученную сумму займа;
- обеспечить возврат суммы займа, если это установлено договором (в случае обеспечения исполнения договора путем залога имущества заемщика);
- использовать полученные займы средства строго на определенные цели и обеспечить возможность осуществления займодавцем контроля за целевым использованием займа (в случае заключения договора целевого займа).

Вместе с тем на практике нередки случаи заключения так называемого безвалютного займа, когда деньги или другие вещи в действительности не были получены заемщиком от займодавца либо были получены в количестве, отличном от указанного в договоре.

К примеру, расписка в получении денежных средств по такому договору подписывается заемщиком без их факти-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

* Минаев Александр Викторович, доцент кафедры гражданского права и процесса Института истории и права Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, докторант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России, член Российской академии юридических наук, профессор Академии военных наук, aleksan-mina@mail.ru

** Недвецкая Ядвига Станиславовна, помощник судьи Арбитражного суда Красноярского края Российской Федерации, nedveckaya13@mail.ru

ческого получения при условии исполнения займодавцем определенных действий в интересах заемщика вместо исполнения своего обязательства по договору займа.

Договор займа в рассматриваемом случае не относится к мнимым сделкам, даже в силу своей безденежности, поскольку порождает для заемщика обязательства возвратить полученную сумму займа. Однако в целях защиты заемщика от недобросовестного займодавца законом предусмотрена процедура оспаривания договора займа по безденежности.

В рассматриваемом случае права заемщика подлежат защите в рамках искового производства, поскольку здесь имеется наличие спора о праве. По общему правилу, в соответствии с ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Это предопределяет распределение бремени доказывания, которое в данном случае относится на заемщика в силу того, что указание на такой факт (неполучение вообще либо неполучение предмета займа не в полном размере) является основанием иска.

Таким образом, по правилам ст. 812 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), предметом иска будет выступать признание договора незаключенным либо заключенным в меньшем объеме. Употребление законодателем в ст. 812 ГК РФ термина «оспаривание» не должно вводить в заблуждение, что речь идет о признании недействительной оспариваемой сделки, поскольку для этого сделка должна быть совершена, договор должен быть заключен. Поэтому в данном случае следует говорить не о пороках сделки, влекущих ее недействительность, а о незаключенности договора².

² Савина К.В. Меры защиты и ответственности по договору займа // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации* : сборник статей VIII Международной научно-прак-

Следовательно, под оспариванием заключенного договора займа подразумевается требование заемщика о признании такого договора незаключенным. Когда одной стороной договора займа выступает юридическое лицо, определить истину по делу станет проще, поскольку на основании Федерального закона «О бухгалтерском учете» любые обязательства предприятия выступают объектами учета бухгалтерского характера, подлежат регистрации в установленный срок на счетах бухгалтерского учета без любых пропусков или изъятий³. А на основании п. 1 ст. 9 указанного закона все операции хозяйственного характера, осуществляемые организацией, подлежат оформлению оправдательными документами. Когда договор займа признают незаключенным, стороны переводятся в первоначальное состояние.

В судебной практике нередко встречаются случаи оспаривания договора займа по его безденежности, заключенного между физическим лицом и организацией. К примеру, решением Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-10185/2019 суд отказал в удовлетворении иска о взыскании денежных средств по договору займа именно в связи с недоказанностью получения заемщиком денежных средств. Суть спора состояла в следующем.

Между займодавцем и заемщиком подписан договор займа, по условиям которого займодавец передает заемщику заем на сумму 2 800 000 руб., а заемщик обязуется вернуть предоставленную ему сумму займа в срок до 11 июня 2017 г. В материалы дела была представлена квитанция к приходному кассовому ордеру, подписанная руководителем организации-заемщика, из которой следует, что заемщик принял от А.Г. Шереметьева на основании договора займа 2 800 000 руб.

тической конференции : в 4 ч. Ч. 3 (г. Пенза, 15 декабря 2017 г.) / ВлГУ им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2017. С. 34–37.

³ Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бухгалтерском учете» // СПС «КонсультантПлюс».

В обоснование исковых требований истец ссылался на договор займа, ответчик же заявил о безденежности данного договора.

В судебном заседании руководитель организации-заемщика, допрошенный в качестве свидетеля, пояснил, что договор займа был им подписан по указанию третьего лица, а денежные средства ему не передавались. Кроме того, квитанция к приходному кассовому ордеру по договору займа подписана им лично, поскольку руководитель организации-заемщика полагал, что после заключения договора займа и подписания квитанции денежные средства поступят в кассу организации-заемщика и будут использованы в хозяйственной деятельности организации.

Аналогичные пояснения даны в судебном заседании и самим займодавцем, который также подтвердил, что денежные средства во исполнение договора займа он руководителю организации-заемщика не передавал.

При оценке довода ответчика о безденежности договора займа судом было принято во внимание, что фактически все стороны договора займа подтвердили в судебном заседании, что указанный договор ими не исполнялся.

Таким образом, как следует из названного решения арбитражного суда, при таких обстоятельствах суд не должен ограничиваться проверкой соответствия документов установленным законом формальным требованиям. При оспаривании факта получения денежных средств необходимо принимать во внимание иные доказательства, доводы, возражения и пояснения⁴.

Следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических заемных правоотношений, на которые указывает истец,

суд должен осуществлять проверку наличия или отсутствия фактических отношений по займу. Целью такой проверки является установление обоснованности долга, что, в свою очередь, находится в причинно-следственной связи с передачей денежных средств, т.е. установлением этого факта.

Однако необходимо учитывать, что если условием возникновения обязательства по возврату заемных денежных средств выступает именно сам факт их передачи непосредственно по договору займа, то в случае спора в порядке искового производства займодавец обязан в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством доказать факт такой передачи и то обстоятельство, что спорные правоотношения носят характер заемных и регулируемых соответствующей нормой гражданского законодательства. Заемщик же в данном случае несет обязанность по доказыванию факта исполнения обязательства по договору — возврату займа либо его безденежности⁵.

При этом судам необходимо, наряду с фактом заключения договора займа, оценить в совокупности характер предшествующих и последующих правоотношений займодавца и заемщика, переговоры в целях заключения других соглашений по иным предметам и основанию, расчеты в рамках иных договорных обязательств, степень добросовестности исполнения обязательств каждой из сторон⁶.

Исследовав и оценив в совокупности представленные в дело доказательства, пояснения лиц, участвующих в деле, суд пришел к выводу о том, что представленная в обоснование иска квитанция к приходному кассовому ордеру о получении руководителем организации-заемщика от займодавца денежных средств в сумме 2 800 000 руб. по договору займа не явля-

⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 ноября 2019 г. по делу № А33-10185/2019 // Картоотека арбитражных дел. URL: http://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/bf06895f-de00-454c-9b0e-368d868aed7f/7ec75d60-1a27-4f68-9cdc-7b54b7b67eca/A33-10185-2019_20191112_Reshenie.pdf (дата обращения: 18.12.2019).

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) // Журнал «Экономика и жизнь». 2016. URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/328443/>

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) // Журнал «Экономика и жизнь». 2016. URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/328443/>

ется допустимым доказательством по делу и не подтверждает фактическую передачу денежных средств обществу. Договор займа был признан судом незаключенным в связи с отсутствием доказательств получения ответчиком денежных средств.

На примере данного решения суда представляется возможным сделать вывод о том, что при толковании расписки в получении денежных средств суд подвергает комплексной оценке содержание данного документа. Таким образом, при заключении договора займа сторонам следует обращать внимание на его содержание, анализируя возможные правовые последствия. Вместе с тем судебная практика по данному вопросу не является однозначной. Как показывает ее анализ,

в каждом конкретном случае судом учитываются все обстоятельства дела, оцениваются все доказательства, представленные сторонами⁷.

Однако следует обратить внимание, что в подтверждение своей процессуальной позиции сторонам необходимо иметь доказательства, относимые и допустимые с точки зрения гражданского и гражданско-процессуального законодательства при рассмотрении данной категории дел.

⁷ Афтахова А.В. Некоторые вопросы, связанные с оспариванием договора займа по его безденежности // Международная очно-заочная научно-практическая конференция, посвященная 45-летию юридического факультета Тверского государственного университета (г. Тверь, 15 декабря 2016 г.). С. 17–21.

Литература

1. Афтахова А.В. Некоторые вопросы, связанные с оспариванием договора займа по его безденежности / А.В. Афтахова // Сборник научных статей Международной очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического факультета Тверского государственного университета (г. Тверь, 15 декабря 2016 г.). Тверь : Тверской государственный университет, 2016. С. 17–21.
2. Савина К.В. Меры защиты и ответственности по договору займа / К.В. Савина // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 15 декабря 2017 г.). В 4 частях. Ч. 3 / ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2017. С. 34–37.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-10-15

Затонова Дарья Юрьевна,
ассистент кафедры
гражданского процесса
Санкт-Петербургского
государственного университета
dasha5651@yandex.ru

К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта

Статья посвящена выявлению специфики правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта, которая позволяет прийти к выводу о том, что в системе гражданских процессуальных правоотношений должно быть признано существование гражданских процессуальных правоотношений с имущественным содержанием.

Ключевые слова: имущественные процессуальные правоотношения, судебный эксперт, судебная экспертиза.

Общеизвестно, что при сохранении системы государственных судебно-экспертных учреждений суды, как правило, поручают проведение экспертиз по гражданским делам экспертам, работающим в коммерческих организациях, сами фирменные наименования которых не оставляют сомнений в том, что экспертная деятельность выступает для них основным видом предпринимательской деятельности. Это обстоятельство служит основанием для постановки вопроса о существовании правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта.

В доктрине гражданского процессуального права не раз обращалось внимание на значительное своеобразие правоотношений «суд-эксперт», в сравнении с остальными гражданскими процессуальными правоотношениями, обусловленное служебно-вспомогательной ролью, которую играет в гражданском судопроизводстве эксперт как лицо, содействующее осуществлению правосудия. К примеру, Н.Б. Зейдер подчеркивал, что «эксперты являются лишь субъектами вспомогательных правоотношений с судом, которые необходимы для существования гражданского процессуального отношения»¹.

Согласно ч. 3 ст. 95 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 2 ст. 107 Арбитражного процессуального кодек-

са РФ, ч. 3 ст. 108 Кодекса административного судопроизводства РФ, размер вознаграждения эксперта «определяется судом по согласованию с лицами, участвующими в деле, и по соглашению с экспертом».

Очевидно, что упомянутая законодателем необходимость достижения соглашения с экспертом относительно цены его услуг означает, что понудить эксперта к выполнению экспертного исследования за вознаграждение, размер которого его не устраивает, невозможно: стоимость экспертного исследования не может быть установлена односторонне обязывающей волей суда.

Из этого следует, что основанием для возникновения правоотношений между судом и экспертом является не только определение суда о назначении экспертизы, но и соглашение между судом и экспертом, определяющее содержание прав и обязанностей эксперта и суда в их «имущественной составляющей». Обязанность эксперта представить суду экспертное заключение возникает с момента вынесения определения о назначении экспертизы, но в основании возникновения этой обязанности лежат 2 юридических факта: 1) соглашение между экспертом и судом, устанавливающее размер вознаграждения эксперта; 2) определение суда о назначении экспертизы.

¹ Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965. С. 34.

Таким образом, правоотношение между судом и экспертом строится на праве суда требовать представления экспертного заключения, составленного в соответствии с требованиями законодательства, и корреспондирующей этому праву обязанности эксперта представить указанное заключение. Отвечает ли обозначенное правоотношение признакам любого гражданского процессуального правоотношения? Да, безусловно. Как и все гражданские процессуальные правоотношения, оно носит неимущественный характер.

Однако исчерпывается ли содержание прав и обязанностей в рамках правовой связи «суд-эксперт» указанными правом суда и обязанностью эксперта? Как минимум, существуют еще право эксперта на получение обусловленного вознаграждения за составленное экспертное заключение и корреспондирующая этому праву обязанность суда выплатить его.

А далее возникает вопрос: что собой представляет такое притязание, как право эксперта требовать выплаты обусловленного вознаграждения за выполненную работу?

На первый взгляд это, разумеется, субъективное право, ибо этому праву корреспондирует обязанность суда выплатить вознаграждение. Интересно, что М.А. Гурвич, отстаивавший идею существования особой категории субъективных прав — прав на одностороннее волеизъявление, которым противостоят не обязанности других лиц, а их связанность, относил служебно-вспомогательные правоотношения с участием эксперта к числу правоотношений, имеющих предоставительно-обязывающий характер².

Притязание эксперта о выплате обусловленного вознаграждения носит имущественный характер, а поэтому и правоотношение между судом и экспертом, складывающееся по поводу выплаты

вознаграждения, имеет имущественное содержание. Вписывается ли это правоотношение в систему гражданских процессуальных правоотношений? С одной стороны, гражданское процессуальное право не призвано регулировать имущественные отношения. С другой стороны, не может не возникнуть вопрос: как тогда охарактеризовать природу данного, имущественного по своему содержанию, правоотношения по выплате эксперту вознаграждения?

Профессор Н.А. Чечина подчеркивала, что «процессуальные нормы не могут ни заменить, ни дополнить правила, определяющие объем правомочий и обязанностей субъектов материально-правовых отношений»³. Что касается свидетеля, переводчика, эксперта, то они имеют права и обязанности только по отношению к суду и не имеют их друг к другу, а также по отношению к сторонам или третьим лицам⁴.

Иными словами, Н.А. Чечина полагала, что никаких материально-правовых отношений с участием эксперта быть не может. Могут иметь место исключительно процессуальные правоотношения в рамках правовой связи «суд-эксперт». Но как тогда быть с отношениями по выплате эксперту вознаграждения?

Сама Н.А. Чечина отвечала на данный вопрос следующим образом: «Обязанность сторон, — пишет она, — оплатить участие в деле свидетеля или производство экспертизы не создает непосредственных процессуальных отношений между свидетелем (экспертом) и стороной (третьим лицом). ...Право на получение вознаграждения свидетелем и экспертом соответствует не обязанностям сторон, а обязанностям суда»⁵. Очевидно, что в данном случае автор делает акцент на обязательном участии суда в процессуальном правоотношении. Но если право на получение вознаграждения соответствует обязанности

² Гурвич М.А. Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. 2. С. 49.

³ Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 31.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же.

суда выплатить его, то не является ли это косвенным признанием того, что имущественное по своему содержанию правоотношение по выплате эксперту обусловленного вознаграждения входит, по мнению автора, в систему гражданских процессуальных правоотношений? С этой точки зрения можно признать, что в своих рассуждениях Н.А. Чечина имплицитно допускала существование в этой системе процессуальных правоотношений с имущественным содержанием⁶.

Существуют ли имущественные процессуальные правоотношения или надо признать, что отношения по поводу выплаты эксперту вознаграждения не вписываются в систему гражданских процессуальных правоотношений и имеют иную, непроцессуальную природу?

Вернемся к соглашению о размере вознаграждения эксперта. На первый взгляд, с учетом, безусловно, имуще-

ственного характера регулируемых отношений, его следует отнести к числу гражданско-правовых договоров. Ряд исследователей⁷ квалифицируют правоотношения, складывающиеся между экспертом и судом, как отношения по возмездному оказанию услуг (иногда — выполнению работ). В частности, А.А. Мохов пишет: «Применительно к услугам сведущего лица в качестве исполнителя услуги выступает лицо, обладающее специальными знаниями и навыками (привлекаемое в качестве эксперта), а в качестве заказчика — суд, который по собственной инициативе или ходатайству стороны (сторон) назначает экспертизу»⁸. С.В. Лазарев идет в своих рассуждениях дальше: «Эти отношения (между судом и экспертной организацией) сходны с отношениями по выполнению работ или оказанию услуг, в связи с чем, на первый взгляд, вполне оправданной выглядит возможность устранения недостатков экспертного заключения, уменьшения или отказа от выплаты вознаграждения путем применения гражданско-правовых средств»⁹.

Действительно, в отношениях между судом и экспертом, складывающихся по поводу выплаты последнему причитающегося вознаграждения, содержательно очень много общего с правоотношениями из договора оказания услуг. Логичным следствием данной конструкции является тезис о том, что услуги должны оказываться исполнителем качественно, а некачественное их оказание влечет применение к эксперту соответствующих мер гражданско-правовой ответственности. Поэтому в случае представ-

⁶ Не исключает имущественного характера отдельных гражданских процессуальных правоотношений и А.Г. Столяров: «Отношения по поводу распределения судебных расходов представляют собой особый вид гражданских процессуальных отношений: они складываются между лицами, участвующими в деле, основаны на их равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности и имеют имущественно-стоимостный характер». См.: Столяров А.Г. Судебные расходы как элемент состава гражданской процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 14. Автор указывал, что с гражданскими процессуальными правоотношениями правоотношения по распределению судебных расходов роднит субъектный состав (лица, участвующие в деле) и источники регулирования (нормы процессуального закона), а с гражданскими материальными правоотношениями — имущественный характер и частно-правовой метод регулирования. Вместе с тем А.Г. Столяров приходит к выводу, что в целом правоотношения по распределению судебных расходов могут быть охарактеризованы как процессуальные правоотношения, поскольку складываются исключительно при осуществлении процессуальной деятельности. Иными словами, А.Г. Столяров хотя и допускает существование в системе гражданских процессуальных правоотношений отдельных правоотношений, имеющих имущественное содержание, однако, к сожалению, уходит от анализа специфики указанных правоотношений, объявляя их «в целом» относящимися к процессуальным правоотношениям.

⁷ См., например: Мохов А.А. К вопросу о квалификации услуг, оказываемых экспертами и специалистами // Эксперт-криминалист. 2006. № 3. С. 11; Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 65.

⁸ Мохов А.А. К вопросу о квалификации услуг, оказываемых экспертами и специалистами // Там же. С. 11.

⁹ Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 65.

ления в суд экспертного заключения, не отвечающего предъявляемым требованиям к качеству, суд вправе уменьшить или вовсе отказать эксперту в выплате вознаграждения.

Однако нельзя не заметить, что данной конструкции могут быть противопоставлены определенные возражения. И первое среди них состоит в том, что в качестве сторон гражданско-правового договора выступают равноправные субъекты. «Договор» же о проведении экспертного исследования «заключается» между судом и экспертом, т.е. субъектами неравноправными. К.В. Карашев в связи с этим заключает: «указанные отношения нельзя относить к гражданско-правовым и рассматривать по модели подрядных, поскольку они возникают и существуют в публичной сфере при отпращивании правосудия»¹⁰.

С этим аргументом трудно согласиться: в имущественном аспекте нет оснований говорить о неравном положении суда и эксперта. Эксперт и суд свободны «в заключении договора»; направляя в ответ на запрос суда информацию о возможности проведения экспертизы, сроках и цене экспертного исследования, экспертное учреждение направляет своего рода «оферту», которую суд впоследствии может «акцептовать»; налицо согласование воли суда и эксперта и т.д. О неравноправных отношениях между судом и экспертом можно говорить только тогда, когда эксперт уже привлечен для содействия правосудию, что произойдет не ранее того, как будет урегулирована имущественная сторона его отношений с судом.

Далее, если считать, что отношения между судом и экспертом по поводу уплаты последнему причитающегося вознаграждения возникают на основании договора, имеющего гражданско-правовую

природу, то закономерным будет вывод о том, что к ним должны применяться нормы, включенные в общую часть Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и его гл. 39 «Возмездное оказание услуг». Но такое применение составляет самый чувствительный аспект проблемы. К примеру, по мнению С.В. Лазарева¹¹, вряд ли можно вести речь о том, что эксперт вправе потребовать уплаты процентов по ст. 395 ГК РФ за несвоевременную выплату вознаграждения или взыскать убытки за неперечисление его в срок. Нет оснований применять нормы и о просрочке исполнения.

Однако если содержательно правоотношения между судом и экспертом из договора о проведении экспертного исследования ничем не отличаются от правоотношений из договора оказания услуг, то имеются экономические предпосылки для субсидиарного применения к указанным правоотношениям гражданско-правовых норм о просрочке исполнения, взыскании процентов по ст. 395 ГК РФ и т.д.¹².

Вместе с тем материально-правовой (имущественный) элемент правоотношений между судом и экспертом испытывает на себе столь сильное влияние процессуального элемента, что если и можно пытаться провести четкую границу между собственно процессуальными правоотношениями и отношениями материально-правовыми, то трудно окончательно отделить материальную составляющую этих отношений и охарактеризовать как подпадающую под гражданско-правовые нормы в чистом виде, без «примеси» процессуального элемента.

¹⁰ Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / под ред. Л.А. Новоселовой, М.А. Рожковой. Вып. 6. М., 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 65.

¹² В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)) содержится следующее предложение: «По оплате труда эксперта возможно установить правила, аналогичные предусмотренным статьей 709 ГК РФ».

Можно ли отнести соглашение о размере вознаграждения эксперта к числу процессуальных договоров (соглашений), исследования о правовой природе которых в последнее время получили довольно широкое распространение?¹³ Н.Г. Елисеев определяет процессуальный договор как «соглашение, непосредственно изменяющее процессуальную ситуацию или устанавливающее определенную модель поведения сторон в существующем или возможном судебном производстве»¹⁴. Аналогичным образом определяет процессуальное соглашение М.А. Рожкова¹⁵. Из процитированного высказывания следует, что процессуальные договоры заключаются между сторонами дела, но никак не между участником процесса с одной стороны и судом с другой стороны. С этих позиций соглашение между судом и экспертом о размере вознаграждения эксперта нельзя отнести к числу процессуальных договоров.

Правда, при таком подходе остается непонятным, в каком смысле тогда Н.Г. Елисеев приводит соглашение о размере вознаграждения эксперта в качестве примера «договорного регулирования отношений, связанных с осуществлением правосудия»¹⁶.

Вместе с тем если соглашения, не опосредованные участием суда, — соглашения сторон, — являются процессуальными, коль скоро они совершаются в процессе или по поводу процесса, то тем более соглашения с участием суда

должны рассматриваться в качестве процессуальных. И в этом смысле налицо все основания для отнесения «договора» о проведении экспертного исследования между экспертом и судом к числу процессуальных соглашений со специфическим имущественным содержанием.

При этом имущественное по своему содержанию правоотношение по выплате эксперту обусловленного вознаграждения, возникающее из процессуального соглашения между судом и экспертом, входит в систему гражданских процессуальных правоотношений, т.е. существуют не только неимущественные (организационные) процессуальные соглашения, но и имущественные процессуальные правоотношения.

Таким образом, правоотношения, складывающиеся между судом и экспертом, имеют амбивалентную природу. Это комплекс правоотношений, включающий в себя как процессуальные правоотношения в чистом виде, так и материальные по своему содержанию правоотношения, но реализующиеся в рамках процессуальной деятельности и приобретающие в связи с этим определенное своеобразие. Имущественные правоотношения между экспертом и судом по поводу выплаты вознаграждения носят во многом «служебный» характер по отношению к «главному», имеющему чисто процессуальную природу, правоотношению между судом и экспертом, в котором суд наделен властными полномочиями, а эксперт обязан подчиняться воле суда. Данные «служебные» отношения существуют постольку, поскольку они обеспечивают участие эксперта в «главном» процессуальном правоотношении.

Положительное решение вопроса о существовании имущественных процессуальных правоотношений создает предпосылки для решения вопроса о правовой природе притязания эксперта о выплате вознаграждения, его содержании и правовых формах реализации.

¹³ См., например: Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015. 368 с.; Курочкин С.А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе. М., 2012. 560 с.; Рожкова М.А. Теория процессуального договора и сделки, направленные на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 184–208.

¹⁴ Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015. С. 42.

¹⁵ Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009. С. 127. URL: http://rozhkova.com/books_text/UFISOGLASH.pdf (дата обращения: 23.01.2020).

¹⁶ Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 18.

Литература

1. Гурвич М.А. Избранные труды / М.А. Гурвич ; редколлегия : Т.Е. Абова [и др.]. Краснодар : Советская Кубань, 2006. Т. 2. 544 с.
2. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. Москва : Статут, 2015. 368 с.
3. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения / Н.Б. Зейдер. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. 74 с.
4. Курочкин С.А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе / С.А. Курочкин ; научный редактор В.В. Ярков. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа ; 2012. 560 с.
5. Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе / С.В. Лазарев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8. С. 58–69.
6. Мохов А.А. К вопросу о квалификации услуг, оказываемых экспертами и специалистами / А.А. Мохов // Эксперт-криминалист. 2006. № 3. С. 9–13.
7. Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / под редакцией Л.А. Новоселовой, М.А. Рожковой. Москва : Статут, 2008. Вып. 6. 283 с.
8. Рожкова М.А. Теория процессуального договора и сделки, направленные на защиту прав / М.А. Рожкова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 184–208.
9. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения // М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2009. 330 с.
10. Столяров А.Г. Судебные расходы как элемент состава гражданской процессуальной ответственности : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Г. Столяров. Санкт-Петербург, 2004. 16 с.
11. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения / Н.А. Чечина. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 68 с.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Валеев
Дамир Хамитович**,

Нуриев
Анас Гаптрауфович***,

Шакирьянов
Рафаиль Валиевич****

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-16-23

Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства*

В представленной статье анализируются вопросы прикладного значения и реальной реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации на основе опроса, проведенного авторами данной статьи в рамках грантового исследования верховных судов субъектов Российской Федерации, обладающих возможностью рассмотрения гражданских дел на государственном языке субъекта Российской Федерации. Перед органами судебной власти было поставлено пять вопросов: какое количество гражданских дел было рассмотрено на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации за период с 2010 по 2018 год; какое количество итоговых решений по гражданским делам было принято на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации; имеется ли в Вашем субъекте Российской Федерации переведенный на государственный язык субъекта Российской Федерации Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации; возникала ли в Вашем субъекте Российской Федерации необходимость рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел на государственном языке субъекта Российской Федерации; какие, на Ваш взгляд, существуют проблемы в применении государственного языка субъекта Российской Федерации в гражданском судопроизводстве. Соответственно, данная статья представляет обобщение вышеозначенной информации и конкретные предложения на примере Республики Татарстан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Республика Татарстан, государственные языки республик в составе Российской Федерации, право на судебную защиту, гражданское судопроизводство.

Действующее федеральное законодательство предусматривает комплекс мер, направленных на развитие языков субъектов Российской Федерации, в том числе в сфере судопроизводства. В иерархический выстроенной цепочке нормативных регуляторов, обеспечивающих право пользования государственным языком субъекта Российской Федерации, центральное место занимает,

безусловно, Конституция Российской Федерации, устанавливающая, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26)¹. Республики в составе Российской Федерации вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государ-

¹ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.

* Работа реализована в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Татарстан № 18-411-160004 р_а.

** Валеев Дамир Хамитович, заместитель декана по науке юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, valeev55@rambler.ru

*** Нуриев Анас Гаптрауфович, руководитель аппарата Конституционного суда Республики Татарстан, кандидат юридических наук, доцент, anasnuriev@yandex.ru

**** Шакирьянов Рафаиль Валиевич, судья Верховного Суда Республики Татарстан в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, rakat51@mail.ru

ственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68). Отечественная доктрина также отмечает то обстоятельство, что важнейшей особенностью правового статуса государственного языка является то обстоятельство, что он устанавливается не просто законом, а непосредственно Конституцией². Таким образом, мы можем выделить важнейшую юридическую особенность государственного языка — его конституционную предопределенность.

Во всех четырех формах отправления правосудия (конституционного, гражданского, административного, уголовного) существует возможность реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации. Однако возможность отправления правосудия на государственных языках субъекта Российской Федерации нуждается в исследовании реальной реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации. Так, как было отмечено в наших предыдущих исследованиях³, сфера возможного применения государственного языка субъекта РФ достаточно широка и предполагает возможность составления всех

процессуальных документов, включая итоговый судебный акт по делу на государственном языке субъекта РФ.

На сегодняшний день из 85 субъектов РФ 22 субъекта имеют статус республик (ст. 65 Конституции РФ), которые вправе установить свои государственные языки. Данная возможность была реализована всеми республиками в составе Российской Федерации, за исключением Республики Карелии. В этой связи в рамках нашего грантового исследования был проведен опрос верховных судов 21 субъекта РФ (Республика Адыгея; Республика Алтай (Горно-Алтайск); Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика; Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Чувашская Республика), обладающих потенциальной, установленной законом возможностью рассмотрения гражданских дел на государственном языке субъекта Российской Федерации.

Перед органами судебной власти было поставлено пять вопросов:

— какое количество гражданских дел было рассмотрено на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации за период с 2010 по 2018 год;

— какое количество итоговых решений по гражданским делам было принято на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации;

— имеется ли в Вашем субъекте Российской Федерации переведенный на государственный язык субъекта Российской Федерации Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации;

— возникала ли в Вашем субъекте Российской Федерации необходимость рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел на государ-

² См.: Кузнецов О. Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. 2005. № 4. С. 46–52.

³ См.: Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В. Возможность использования процессуальных документов, составленных на государственных языках субъекта Российской Федерации в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 54–57; Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В. Потенциал государственных языков субъектов РФ в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 1. С. 67–74; Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В. Реализация конституционного права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации по гражданским делам в контексте вынесения решения // Российский судья. 2018. № 11. С. 6–9.

ственном языке субъекта Российской Федерации;

— какие, на Ваш взгляд, существуют проблемы в применении государственного языка субъекта Российской Федерации в гражданском судопроизводстве.

Как показал опрос судебных органов, практическое применение государственного языка субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства имеет на территории трех субъектов Российской Федерации: в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия.

Так, согласно представленным за период с 2010 по 2018 г. данным, Верховным Судом Республики Татарстан в 2013 г. на татарском языке рассмотрено одно гражданское дело по апелляционной жалобе с составлением апелляционного определения на татарском языке. Согласно сведениям, предоставленным районными (городскими) судами в Республике Татарстан в период с 2010 по 2018 г., татарский язык применялся в судопроизводстве при рассмотрении 117 гражданских дел. По указанным делам на татарском языке принято 117 итоговых решений по существу заявленных требований.

Судами также за указанный период татарский язык применялся при рассмотрении 15 уголовных дел, которые завершились вынесением судебных актов на татарском языке. Кроме того, Вахитовским районным судом г. Казани рассмотрено три дела об административном правонарушении с вынесением постановлений на татарском языке.

Вторым субъектом, на территории которого была реализована возможность судебной защиты права на государственном языке субъекта Российской Федерации, является Республика Саха (Якутия). За период с 2010 по 2018 г. якутский язык применялся при рассмотрении 2669 гражданских дел. За указанный период итоговых судебных актов на якутском языке было вынесено по 805 гражданским делам. Необходимость рассмотрения гражданских и админи-

стративных дел на якутском языке возникает в сельских районах Республики Саха (Якутия), в которых население преимущественно говорит на якутском языке.

Третий субъект, на территории которого возникла необходимость реализации права на судебную защиту, — это Республика Бурятия. Применение государственного языка субъекта Российской Федерации ограничивалось лишь сферой уголовного судопроизводства, что выразилось в привлечении переводчиков и необходимости перевода текстов приговоров на бурятский язык.

Остальные 18 субъектов Российской Федерации на наш запрос дали ответ о том, что государственные языки субъектов Российской Федерации при рассмотрении дел в суде, несмотря на правовую возможность, не применялись. Каких-либо проблем в этих субъектах Российской Федерации при ведении судопроизводства на государственном языке не возникает (Республика Крым, Республика Хакасия, Республика Алтай, Удмуртская Республика, Республика Калмыкия, Чеченская Республика). Необходимость рассмотрения дел на государственном языке субъекта РФ не имеется (Республика Мордовия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Марий Эл).

Безусловно, указанная выборка не показывает реальный срез применения государственного языка субъекта Российской Федерации в судопроизводстве, так как, например, не ставился и не исследовался вопрос о привлечении, о необходимости привлечения в процесс переводчика, которое, по сути, является одним из зачастую главных вариантов реализации «языковых гарантий», предусмотренных ст. 26 Конституции Российской Федерации.

В этой связи мы можем констатировать, что о реальном использовании государственного языка субъекта Российской

Федерации в сфере судопроизводства можно говорить лишь как с учетом рассмотрения дела и принятия судебных постановлений на государственном языке субъекта Российской Федерации, так и с учетом привлечения переводчика при рассмотрении судебных дел. Как известно, все процессуальные источники, закрепляя возможность защиты права в суде на государственном языке субъекта Российской Федерации, отдельно оговаривают, что лицам, участвующим в деле и не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, разъясняется и обеспечивается право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика. Так, например, в Республике Татарстан широко распространено привлечение к участию в деле переводчика. Как показывает наше исследование, при реализации принципа национального языка судопроизводства особо актуально участие переводчика. Во всех процессуальных источниках основным критерием, характеризующим переводчика, является свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, знание которого необходимо для перевода. При этом определение уровня свободного владения языком посредством установления минимальных требований, предъявляемых к переводчику, законодательством не предусмотрено⁴. Это предполагает необходимость определенных изменений действующего законодательства, в частности положений п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. После слов «нарушение правил» необходимо добавить слова: «в том числе связанных с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле», и с учетом этого п. 4 ч. 3 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ)

⁴ См., например: Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 114–123.

следует изложить в следующей редакции: «нарушение правил, в том числе связанных с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле, о языке, на котором ведется судебное производство».

Представляется, что ст. 162 ГПК РФ необходимо дополнить соответствующим предложением и ч. 1 этой статьи изложить в следующей редакции: «Переводчиком является лицо, привлекаемое судом к участию в деле в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, которое свободно владеет языком, на котором ведется гражданское судопроизводство, и другим языком, знание которого необходимо для перевода с одного языка на другой, либо свободно владеет техникой общения с глухими, немыми, глухонемыми, содействует отправлению правосудия».

Несмотря на важность принципа языка судопроизводства, некоторые процессуалисты⁵ указывают на то, что из семи сформулированных, в частности в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, безусловных оснований к отмене судебных актов ввиду нарушения норм процессуального права реально действующими и применяемыми на практике являются главным образом два. Это рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, а также принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле (п. 2 и ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Автор «к реально действующим и применяемым на практике» принцип языка судопроизводства не относит.

Действительно, положение ст. 330 ГПК РФ о нарушении правил о языке, на котором ведется судебное производство, на практике применяется не так часто, однако это обстоятельство не может

⁵ См.: Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 15.

снизить значение принципа языка судопроизводства.

Кроме того, практика судов изобилует примерами, где из-за нарушения Конституцией Российской Федерации установленного принципа языка судопроизводства были отменены решения судов разных уровней Российской Федерации⁶.

Соответственно, реальную картину реализации государственного языка субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства можно установить лишь при совместном исследовании вопросов рассмотрения дела и принятия судебных постановлений на государственном языке субъекта Российской Федерации, а также привлечения переводчика при рассмотрении судебных дел.

Принцип национального языка судопроизводства относится к основополагающим, организационно-функциональным принципам судопроизводства, вытекающим из федеративного устройства российского государства, реализует на практике указанные выше положения ст. 26 Конституции РФ и обеспечивает гражданам равноправие в языковой сфере судопроизводства.

В этой связи О.Ю. Кузнецов обоснованно указывает, что не имеется оснований говорить о том, что отраслевой принцип языка судопроизводства играет якобы вспомогательную роль или имеет второстепенное значение. Как и все важнейшие принципы той или иной отрасли процессуального права, рассматриваемый принцип обладает конституционно-правовым происхождением и природой, а потому имеет равную с ними юридическую силу и значимость: в противном случае система соответствующей отрасли права не обладала бы внутренним единством и целостностью. Таким образом,

⁶ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 9 сентября 2015 г. по делу № 33-8417/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Забайкальского районного суда Забайкальского края от 11 марта 2013 г. по делу № 12-19/13 12-19/2013 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MxuXVWUfKЕго/> (дата обращения: 17.01.2019).

принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных характеристик личности его участников⁷.

Так, в Стандарт справедливого судебного разбирательства, сформулированного Европейским судом по правам человека и состоящего из 16 принципов, входят и 2 правила — правило об обеспечении бесплатной помощью переводчика в случае незнания языка, на котором осуществляется судопроизводство, а также правило быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном человеку языке о характере и основании предъявленного ему обвинения⁸.

Основополагающие требования о национальном языке судопроизводства и о праве на использование услуг переводчика периодически разъясняются в правовых позициях Европейского суда по правам человека, и часто Европейский суд по правам человека в своих решениях «подправляет» правоприменительную практику на национальном уровне в этом вопросе (см. дела «Йечус против Латвии»⁹, «Озтрук против Германии»¹⁰ и т.д.).

В этой связи О.Ю. Кузнецов, проанализировав практику ЕСПЧ в контексте нарушения прав человека в сфере применения языка судопроизводства, а им исследовано 11 решений ЕСПЧ по данному вопросу, пришел к выводу, что

⁷ См.: Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. 2005. № 4. С. 47.

⁸ См.: Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 53.

⁹ Официальный сайт базы данных Европейского суда по правам человека HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 21.12.2019).

¹⁰ Там же.

нормативно-правовое содержание института языка судопроизводства российского процессуального права не только в полной мере соответствует европейским стандартам, но и в отдельных его аспектах даже превосходит их¹¹.

Представляется, что имея, такой высокий уровень обеспечения судебной защиты лицам, участвующим в судопроизводстве, в исследуемом вопросе следует и дальше как на практике, так и на законодательном уровне соответствовать этим высоким европейским стандартам. Поэтому, конечно, нам не следует упрощать данный вопрос.

Кроме того, изложенная выше позиция о важности исследуемого вопроса подтверждается и тем, что в полученных нами ответах указывалось также на ряд существующих проблем, которые, на наш взгляд, являются подспорьем для выработки конкретных предложений, точек роста, которые способствовали бы дальнейшему улучшению применения государственных языков субъектов Российской Федерации в судопроизводстве, укреплению основ федерализма России:

- отсутствие процессуального законодательства, переведенного на государственный язык субъекта Российской Федерации, и отсутствие образовательной базы для подготовки по специальности «юриспруденция» на государственном языке субъекта Российской Федерации (Чувашская Республика);

- отсутствие единой юридической терминологии на государственном языке субъекта Российской Федерации (Республика Тыва);

- отсутствие штатной единицы переводчика с государственных языков субъекта Российской Федерации (Республика Саха (Якутия));

- отсутствие знания государственного языка субъекта Российской Феде-

рации судьями и секретарями судебного заседания (Республика Башкортостан);

- отсутствие официальных переводов кодексов и других нормативных правовых актов, в том числе в соответствующих правовых информационных системах; отсутствие профессиональных кадров, владеющих государственным языком субъекта Российской Федерации, невладение судьями юридической лексикой, правовыми терминами на государственном языке субъекта Российской Федерации; отсутствие специальных юридических справочных материалов и терминологических словарей. Определенные затруднения возникают на стадии исполнения вступивших в законную силу судебных актов, что связано с требованиями, в частности, органов ЗАГС, нотариусов, судебных приставов-исполнителей о предоставлении судебных актов с переводом на русский язык (Республика Татарстан).

Определяя указанные проблемные аспекты, следует отметить, что первостепенное значение имеет наличие единой юридической терминологии и процессуальных источников на государственном языке субъекта Российской Федерации, которые могут послужить реальной основой для рассмотрения дел в судебных органах на государственном языке субъекта Российской Федерации.

В этой связи хотелось бы остановиться на примере Республики Татарстан в части принятых мер, направленных для обеспечения возможности реализации конституционного права на судебную защиту на государственном языке субъекта Российской Федерации.

На основании п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся административное, административное-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды. В счет реализации этих конституционных принципов в Республике Татарстан

¹¹ См.: Кузнецов О.Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 15–20.

приняты и действуют как на русском, так и на татарском языках: Избирательный кодекс Республики Татарстан, Экологический кодекс Республики Татарстан, Семейный кодекс Республики Татарстан, а также Кодекс об административных правонарушениях Республики Татарстан.

Кроме того, еще в 90-е годы XX столетия в республике при Государственном Совете Республики Татарстан была создана редакционная комиссия для перевода действующих кодексов Российской Федерации на татарский язык, куда вошли представители всех ветвей власти республики, а также ведущие юристы, ученые-языковеды.

В рамках этой программы на татарский язык были переведены и с помощью Комитета при Кабинете Министров Республики Татарстан по реализации закона «О языках народов Республики Татарстан» изданы Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации и другие кодексы Российской Федерации на татарском языке.

В 2019 году был переведен на татарский язык и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, который является первым переводом Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации на государственный язык субъекта Российской Федерации. Кроме того, в качестве приложения как шаг для расширения единой юридической терминологии к указанному кодексу был разработан словарь гражданско-процессуальных терминов на татарском языке. Впоследствии этим кодексом были обеспечены судьи, их помощники, а также работники аппарата судов всех уровней Республики Татарстан.

Необходимо отметить, что практика переводов основных кодифицированных

источников на государственные языки союзных и автономных республик широко применялась и практиковалась в рамках советского союзного государства. К сожалению, подобная практика на сегодняшний день не используется и не усматриваются реальные шаги по централизованной организации данного процесса.

Кроме того, на базе Казанского филиала Российского государственного университета правосудия организованы курсы повышения квалификации «Татарский язык в судопроизводстве» с целью совершенствования теоретических знаний и практических навыков в профессиональной деятельности на татарском языке для мировых судей и работников аппарата мировых судей, которые охватывают вопросы татарского языка в сфере официально-деловой коммуникации; актуальные вопросы проведения судебного заседания, составления процессуальных документов и применения юридической терминологии в судебном процессе на татарском языке.

Указанные шаги были предприняты для практического применения положений ст. 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающей реализацию права на судебную защиту, в том числе на государственном языке субъекта Российской Федерации. Хочется надеяться, что опыт Республики Татарстан будет востребован субъектами Российской Федерации, имеющими возможность отправления правосудия на государственном языке субъекта Российской Федерации. Это, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшему укреплению принципов федерализма и основ конституционного строя в Российской Федерации.

Безусловно, государственный язык субъекта Российской Федерации как язык судопроизводства может существовать только при наличии объективной возможности у судебного органа рассмотреть конкретное дело на государственном языке субъекта Российской Федерации,

что предполагает наличие судей и работников аппарата суда, владеющих государственными языками субъектов Российской Федерации, включая знание специальной юридической терминологии. Отсутствие таких объективных возможностей должно компенсироваться

прозрачной системой судебных переводов, так как в этом случае именно на переводчика возлагается основная процессуальная функция обеспечения «языковых гарантий» участников спорных правоотношений, реализации принципа о языке судопроизводства.

Литература

1. Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия / Е.И. Алексеевская // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 50–66.
2. Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 11–31.
3. Валеев Д.Х. Возможность использования процессуальных документов, составленных на государственных языках субъекта РФ в гражданском судопроизводстве / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 54–57.
4. Валеев Д.Х. Потенциал государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 1. С. 67–74.
5. Валеев Д.Х. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 114–123.
6. Валеев Д.Х. Реализация конституционного права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации по гражданским делам в контексте вынесения решения / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Российский судья. 2018. № 11. С. 6–9.
7. Кузнецов О.Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) / О.Ю. Кузнецов // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 15–20.
8. Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства / О.Ю. Кузнецов // Современное право. 2005. № 4. С. 46–52.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Царегородцева**Екатерина Анатольевна,**доцент кафедры гражданского
процессаУральского государственного
юридического университета,

кандидат юридических наук

kafedra.gpfd@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-24-27

К вопросу о возможности передачи дел приказного производства нотариусам

В статье рассматривается широко обсуждаемая в науке цивилистического процесса проблема изъятия из компетенции судов приказного производства и передачи его в компетенцию нотариусов. Автор отмечает предпосылки для такой передачи и соответствующие последствия. В статье делается вывод о возможности передачи приказного производства в компетенцию нотариусов, но только при условии тщательной проработки механизма выдачи приказа.

Ключевые слова: упрощенные процедуры, приказное производство, судебный приказ, цивилистический процесс.

Федеральным законом от 23 ноября 2018 г. № 451-ФЗ внесены изменения в процедуру рассмотрения дела в приказном производстве в цивилистическом процессе, однако данные новеллы носят достаточно технический характер, поскольку модель приказного производства, заложенная еще в 1995 г.¹, осталась неизменной.

Необходимость введения и развития упрощенных судебных процедур продиктована рядом причин. Во-первых, как справедливо отмечает К.А. Чудиновских, это нецелесообразность использования сложной, дорогостоящей и протяженной во времени процессуальной формы по очевидным, бесспорным и малозначительным делам². Во-вторых, стремление ускорить процесс рассмотрения дел в целях обеспечения своевременной защиты

нарушенных прав и законных интересов лиц, обратившихся за судебной защитой. В-третьих, настоятельная необходимость снижения нагрузки на судей как системы арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции. Приказное производство позволяет достичь указанных целей, поскольку представляет собой упрощенную процедуру. В целом российский цивилистический процесс развивается в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7³ и Заключением № 6 Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г.⁴. В этих актах предлагается, в частности, разработать меры в отношении неопротестованных или бесспорных исковых требований, для того чтобы окончательное решение выносилось без ненужных формальностей, личных явок в суд или излишних расходов. Данный подход основывается на реализации принципов справедливости и пропорционально-

¹ Институт судебного приказа был введен в современный гражданский процесс Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР». Ранее ГПК РСФСР 1923 г. предусматривал выдачу судебного приказа, однако институт судебного приказа просуществовал недолго, уже в 1928 г. он был исключен из ГПК РСФСР. Долгие годы процессуальное законодательство (в том числе ГПК РСФСР 1964 г.) не содержало норм, аналогичных судебному приказу.

² Чудиновских К.А. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства // Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 502.

³ Рекомендация № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы «О способах облегчения доступа к правосудию» (принята 14 мая 1981 г. на 68-м заседании представителей министров) // Российская юстиция. 1997. № 6.

⁴ Заключение № 6 Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г. «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судов в судебных процессах с учетом альтернативных способов разрешения споров» // Вестник ВАС РФ. 2005. № 8.

сти, учете интересов участников других споров и общества в целом, поскольку расходы на судопроизводство должны соотноситься со сложностью дела, размером цены иска и ресурсами суда, а также гарантировать другим право на справедливую долю судебного времени для рассмотрения их спора.

Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о сущности приказного производства⁵, отметим, что судебный приказ выдается исключительно по бесспорным требованиям. В связи с этим в науке высказывалось предложение изъять дела приказного производства из ведения судов и передать в компетенцию нотариусов⁶. Нужно отметить, что данное пред-

ложение основано на историческом опыте: впервые институт судебного приказа в российском праве был введен в Гражданский процессуальный кодекс (далее — ГПК) РСФСР 1923 г. для взыскания денег или имущества по бесспорным требованиям (например, если требование основано на опротестованных векселях). Однако уже в 1928 г. глава 24 была изъята из ГПК РСФСР, а дела приказного производства были переданы нотариусам. До 1985 г. взыскание по бесспорным требованиям осуществлялось в нотариальном порядке путем совершения исполнительных надписей. В 1985 году указом Президиума Верховного Совета РСФСР был введен упрощенный порядок вынесения судьей постановления о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей⁷.

Следует также отметить, что данный способ снижения судебной нагрузки реализован и в некоторых зарубежных странах. Так, в Республике Казахстан часть требований, которые ранее рассматривались в порядке приказного производства, передана в компетенцию нотариусов для совершения исполнительной надписи или вынесения постановления о взыскании задолженности, например, об исполнении обязательства, основанного на нотариально удостоверенной сделке или на письменной сделке, о взыскании задолженности с собственников помещений (квартир), уклоняющихся от участия в обязательных расходах на содержание общего имущества объекта кондоминиума, о взыскании задолженности на основании публичных договоров за фактически потребленные услуги (электро-, газо-, тепло-, водоснабжение и др.),

предметом обсуждения на Всероссийской научно-практической конференции «Оптимизация судебной юрисдикции и нагрузки на судебную систему в арбитражных судах», организованной Российским государственным университетом правосудия совместно с Верховным Судом Российской Федерации 27 сентября 2019 г.

⁷ Указ Президиума ВС РСФСР от 20 февраля 1985 г. «О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 9. Ст. 305.

⁵ Часть авторов полагают, что приказное производство представляет собой упрощенную и (или) ускоренную форму рассмотрения отдельных категорий дел. См.: Решетняк В.И., Черных И.И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе : пособие. М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. 86 с.; Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе. М. : Городец-издат, 2001. 170 с.; Решетникова И.В. С 1 июня в АПК РФ появилось приказное производство. К чему готовиться участникам процесса и судам // Арбитражная практика. 2016. № 6; и др. Другие ученые рассматривают приказное производство как документарное производство, процессуальную процедуру, но не процесс в собственном смысле этого слова, поскольку в нем не соблюдается процессуальная форма. См.: Громошина Н.А. О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 36; Грось Л.А. О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 10; Сахнова Т.В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 102; и др. Третья группа авторов — как квазисудебную процедуру, направленную на защиту прав, с очевидностью имеющихся у субъектов частно-правовых и публично-правовых отношений. См.: Раздьяконов Е.С. Судебный приказ в арбитражном процессе: реальность и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 6.

⁶ См.: Цембелев Н.Ш. Актуальные предпосылки, основания и тезисы реорганизации судебного приказного производства // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 36–39; Халатов С.А. Сокращение компетенции судов по разрешению бесспорных дел как фактор снижения нагрузки // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 40–42. Данный вопрос также стал

о взыскании арендных платежей ввиду их неуплаты в сроки, установленные договором аренды, а также о взыскании начисленных, но не выплаченных работнику заработной платы и иных платежей⁸. Поскольку изменения только начали действовать, говорить о каких-либо результатах пока рано. Интересно будет проследить результаты такой реформы приказного производства через год-два, а также в более отдаленном будущем.

Возвращаясь к современному российскому цивилистическому процессу, следует отметить, что изъятие дел, относящихся к приказному производству, и передача их нотариусам позволит существенно снизить нагрузку на мировых судей, поскольку, по данным статистики за 2018 г., в судах общей юрисдикции было вынесено более 12 млн судебных приказов⁹. В системе арбитражных судов количество выносимых судебных приказов на порядок меньше.

Вместе с тем данное предложение вызывает и ряд вопросов, которые должны быть серьезным образом обсуждены. Обеспечение доступности такой формы защиты — один из самых важных вопросов. Не секрет, что судебная форма защиты в России является доступной в финансовом плане, поскольку размер государственной пошлины не обременителен для сторон. В приказном производстве уплачивается половина государственной пошлины от взимаемой при подаче искового заявления (административного искового заявления) имущественного характера. Взыскания судебных издержек в приказном производстве

не предусмотрено¹⁰. Однако за совершение исполнительной надписи придется заплатить 0,5% стоимости истребуемого имущества, указанной в договоре, или суммы, подлежащей взысканию, но не менее 1500 руб. и не более 300 тыс. руб. Таким образом, нотариальная форма защиты может оказаться существенно дороже. Следовательно, размер государственной пошлины или нотариального тарифа должен быть установлен на уровне государственной пошлины, которую сейчас уплачивает кредитор при обращении в суд с заявлением о вынесении судебного приказа.

Для граждан имеет важное значение территориальная приближенность, а также понятность правил определения, куда следует обращаться за выдачей судебного приказа. Конечно, при передаче дел приказного производства в компетенцию нотариуса такие правила должны быть четко прописаны, а со временем они станут привычными. Однако потребуются определенные усилия, направленные на извещение широкого круга населения об изменении порядка определения компетентного органа.

Полагаем, что немаловажным является и вопрос о том, готовы ли сами нотариусы получить такое количество дел приказного производства. Особенно с учетом необходимости установления доступного размера государственной пошлины или нотариального тарифа.

Конечно, дела приказного производства в силу своей бесспорности не должны занимать временные и финансовые ресурсы суда, поскольку судебная форма защиты права предполагает разрешение правового спора. Вместе с тем в момент обращения за защитой не всегда очевидна бесспорность заявленного требования, тем более что, по сути, обязанность определить, имеется ли в данном конкретном случае спор о праве либо лишь необходимо подтвердить право на

⁸ См.: Закон Республики Казахстан от 21 января 2019 г. № 217-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000217#z169>

⁹ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

¹⁰ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г.) (ред. от 26.12.2018).

принудительное исполнение требования, возложена на взыскателя. Ошибки определения бесспорности встречаются и при обращении в суд. Необходимость же обращения в разные юрисдикционные органы может увеличить временные затраты на получение защиты нарушенного права. Кроме того, передача дел приказного производства в компетенцию нотариусов будет означать изъятие данного института из гражданского процесса, а в случае отказа нотариуса в совершении исполнительной надписи (например, при возникновении у нота-

риуса сомнений в бесспорности заявленных требований) кредиторы вынуждены будут обращаться в суд в порядке искового производства.

На данный момент можно констатировать, что процедура приказного производства уже сложилась, достаточно органично «вплетена» в гражданское и административное судопроизводство, а возможность передачи дел приказного производства требует тщательной проработки, в том числе с точки зрения взаимодействия судов и нотариусов, доступности для взыскателя.

Литература

1. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография / Н.А. Громошина. Москва : Проспект, 2010. 264 с.
2. Реформирование процессуального законодательства: цели, проблемы, тенденции / И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко. Москва : Международные отношения, 2018. 617 с.
3. Халатов С.А. Сокращение компетенции судов по разрешению бесспорных дел как фактор снижения нагрузки / С.А. Халатов // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 40–42.
4. Цембелев Н.Ш. Актуальные предпосылки, основания и тезисы реорганизации судебного приказного производства / Н.Ш. Цембелев // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 36–39.

Уважаемые авторы!

ПРИГЛАШАЕМ ВАС К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Один из летних номеров журнала «Юрист» будет посвящен контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Статьи по тематике выпуска просим присылать на адрес редакции avtorjurist@yandex.ru в срок до **20 мая 2020 г.**

Будем рады вашим откликам!

Медведев Иван Риммович,
доцент Высшей школы урбанистики
имени А.А. Высоковского (ФГПР)
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
1m@bk.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-28-32

Судебные споры по программе реновации Москвы

В статье анализируется судебная практика за первые несколько лет действия программы реновации жилищного фонда Москвы. Указывается, что возможности для горожан оспаривать различного рода решения, принимаемые в рамках программы реновации, можно охарактеризовать как весьма ограниченные. Фактически жители могут лишь обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме. Автор критикует применение общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации в спорах о реновации, а также указывает на необходимость проверки судом обоснованности включения дома в программу реновации.

Ключевые слова: реновация, судебная практика, судебный контроль, общее собрание собственников, оспаривание нормативных правовых актов.

Одним из самых амбициозных и обсуждаемых в средствах массовой информации столичных проектов последних лет, опыт которого планируется распространить на другие регионы, является московская программа реновации жилого фонда. Она предполагает радикальные пространственные изменения города, где тысячи многоквартирных домов будут снесены, а их жители — переселены в иные места. Правовую основу программы составляют прежде всего «закон о реновации» 2017 г.¹ и ряд московских нормативных правовых актов². С момента старта и до настоящего

времени реновацию сопровождает значительное число конфликтов, в том числе поступивших на рассмотрение в суды общей юрисдикции. Уже сформирована первая судебная практика (несколько сотен судебных актов), которая является предметом нашего исследования.

В целом репертуар возможностей для горожан оспаривать различного рода решения, принимаемые в рамках программы реновации, можно охарактеризовать как весьма ограниченный.

Во-первых, в законе о реновации норма о судебных исках встречается только в отношении органа исполнительной власти города Москвы, которому предоставлено право обратиться в суд с требованием одновременно о понуждении собственника жилого помещения к заключению договора, предусматривающего переход права собственности на жилое помещение, об освобождении жилого помещения в доме, включенном в программу реновации, и о передаче его в собственность города Москвы, а также о государственной регистрации перехода права собственности на соответствующее жилое помещение (ст. 7.3), иными словами — с иском о выселении. Для граждан же никаких специальных средств защиты интересов закон о реновации не содержит.

Во-вторых, почти сразу жителям стала недоступной возможность оспаривания

¹ Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе столицы Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» // СПС «КонсультантПлюс».

² Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве»; Постановление Правительства Москвы от 2 мая 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве»; Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 г. № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

нормативных правовых актов в сфере реновации. После первого «проигранного» истцами дела все остальные заявления, независимо от указанных в них доводов, оставляют без рассмотрения. Технически данная ситуация отражает издавна существующую судопроизводственную проблему, неоднократно подвергавшуюся критике в литературе³. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, если нормативный правовой акт (его часть), законность которого уже проверена судом, оспаривается другими лицами, требования которых основаны *на иных доводах*, не обсуждавшихся судом первой инстанции, в принятии административного искового заявления должно быть отказано⁴.

Применительно к программе реновации указанная логика иллюстрируется следующим примером. В июне 2017 г. гражданин обратился в Мосгорсуд с административным исковым заявлением о признании недействующим постановления правительства Москвы от 2 мая 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве» (почти сразу после опубликования документа). Житель ссылался на противоречие постановления положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, позиции Европейского суда по правам человека о защите частной собственности, ряду статей Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), Федеральному закону от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного ко-

декса Российской Федерации». Мосгорсуд не согласился с истцом и в удовлетворении заявления отказал⁵. После этого Мосгорсудом были оставлены без рассмотрения административные иски других жителей об оспаривании постановления № 245-ПП, несмотря на доводы о не тождественности заявлений и об иных основаниях⁶. Суд посчитал, что нормативный правовой акт проверялся в порядке абстрактного нормоконтроля по всем имеющим значение основаниям в полном объеме.

Такой подход нельзя признать правильным. Нет никаких гарантий, что однократная проверка судом какого-либо нормативного правового акта всегда настолько полна, что заведомо исключает любые попытки в будущем привести новые доводы о его незаконности. Обратим внимание, что, принимая решение об оставлении заявления без рассмотрения, суд не сравнивает построчно доводы первоначального и последующего заявлений. Он лишь воспроизводит клише, ограничиваясь формальной ссылкой на наличие судебного акта с тождественным предметом. Как справедливо указывает А.А. Джагарян, введение презумпции сплошной, всеохватной судебной проверки законности нормативного акта искажает смысл судебного нормоконтроля, поскольку позволяет произвести его, по сути, только один раз⁷. Этот подход, по нашему мнению, разгружает суды там, где делать это совершенно не нужно, и отрицательно сказывается на защите прав граждан.

Таким образом, в рамках истории с реновацией у жителей, по сути, остался

³ Медведев И.Р. «Отбеливание» нормативных правовых актов по главе 24 ГПК РФ: миф или реальность? // Закон. 2009. № 6. С. 181–202.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Абз. 7 п. 19 // СПС «КонсультантПлюс». Ранее схожие разъяснения содержались в абз. 7 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части».

⁵ Решение Московского городского суда от 16 июня 2017 г. по делу № 3а-849/2017 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Короткова М.В. Проблемы правового регулирования реновации жилищного фонда в городе Москве // Образование и право. 2017. № 12. С. 194–199.

⁶ Определения Московского городского суда: от 3 июля 2017 г. по делу № 3а-858/2017; от 26 июля 2017 г. по делу № 3а-927/2017; от 27 сентября 2017 г. по делу № 33а-3426/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Джагарян А.А. Право на оспаривание нормативного акта как неотъемлемый способ судебной защиты: проблемы регулирования и реализации в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 263–287.

для использования один из основных способов — обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме по вопросу включения дома в программу реновации⁸. Это делается на основании универсальных правил, установленных ч. 6 ст. 46 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) («собственник помещения в многоквартирном доме вправе обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в данном доме с нарушением требований настоящего Кодекса, в случае, если он не принимал участие в этом собрании или голосовал против принятия такого решения и если таким решением нарушены его права и законные интересы»), и положений Гражданского кодекса Российской Федерации об оспоримости (ст. 181.4) либо ничтожности (ст. 181.5) решений собраний.

Наш анализ доступной судебной практики показал, что данное направление для жителей является малоэффективным. За исключением ничтожности решений собраний вследствие отсутствия кворума⁹, истцами проиграны все без исключения дела, независимо от имевших место нарушений (более 40 исков). Так, например, решение одного из собраний, проведенных в московском районе Аэропорт, было признано действительным, хотя от имени умерших собственников голосовали лица, которые не успели оформить право собственности, а за истца «в суматохе кто-то расписался»¹⁰. В другом деле суд не принял во внимание наличие разночтений и подчисток в опросных листах, а также счел не заслуживающим внимания невыполнение

Методических рекомендаций Минстроя о порядке организации и проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах¹¹. Еще в одном кейсе суд посчитал недопустимым доказательством нотариально заверенное заявление жителя о том, что он в собрании участия не принимал¹². В большинстве разобранных случаев как главный, «броневой» аргумент для отказа истцам выступает ссылка на упоминавшуюся выше ч. 6 ст. 46 ЖК РФ, где законодатель дал возможность суду оставить в силе обжалуемое решение общего собрания, если допущенные нарушения *не являются существенными* и принятое решение не повлекло за собой причинение убытков.

Применительно к делам о программе реновации судебная практика оставляет невыясненным вопрос: каких же именно нарушений достаточно для того, чтобы их считали существенными? В материалах дел фигурируют поддельные листы, одни лица расписываются за других, протоколы собраний оформляются в свободной форме без указания документов, указывается на ряд иных проблем, но они, с точки зрения судов, «несущественны». Да и никаких убытков правоприменитель не видит, хотя де-факто решение собрания впоследствии приведет к сносу дома, т.е. к уничтожению собственности. Здесь просматривается аналогия с линией судебной практики, которую мы разбирали на страницах настоящего журнала по вопросу о публичных слушаниях в сфере градостроительной деятельности. Там также грубые нарушения не влекли за собой признание слушаний недействительными, суд не обращал внимания на подлинность волеизъявления участников, и только по трем из более чем сотни кейсов оспаривание слушаний истцам удалось завершить в свою пользу¹³.

⁸ В статье не рассматривается вопрос о том, вправе ли вообще большинство жильцов простым голосованием жертвовать собственностью меньшинства. См. подробнее: Медведев И.Р. Правовые аспекты программы реновации Москвы // Закон. 2017. № 7. С. 121–122.

⁹ Определения Московского городского суда: от 26 марта 2018 г. по делу № 33-11820; от 30 марта 2018 г. по делу № 33-13100/2018; от 8 августа 2018 г. по делу № 33-34371/2018; от 12 декабря 2018 г. по делу № 33-53102/2018; от 14 декабря 2018 г. по делу № 33-55647/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Московского городского суда от 30 ноября 2018 г. по делу № 33-51511/2018.

¹¹ Определение Московского городского суда от 24 января 2019 г. по делу № 33-1733/2019; Приказ Минстроя Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 411/пр // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Московского городского суда от 6 марта 2018 г. по делу № 33-9833/2018.

¹³ Медведев И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 57–64.

Мы полагаем довольно странной ситуацию, когда в закон введена и детально регламентирована некая процедура (общее собрание), но любые отступления в процессе ее проведения трактуются как нечто само собой разумеющееся.

Особенно некорректной кажется настойчивая попытка¹⁴ бездумно распространить на дела о реновации общую норму п. 4 ст. 181.4 ГК РФ (решение собрания не может быть признано судом недействительным, если голосование лица, права которого затрагиваются оспариваемым решением, не могло повлиять на его принятие и если решение собрания *не влечет существенные неблагоприятные последствия* для этого лица). Получается, что одни и те же правила применяются как для собраний в коммерческих организациях, торгующих фруктами и овощами, так и для собраний жильцов многоквартирного дома. Но ведь у них совершенно разный пространственный эффект. Решение о реновации (т.е. сносе) дома — это фундаментальная трансформация городского пространства. Оно влияет на весь планировочный квартал и тем самым как раз презюмирует наступление существенных последствий — для кого-то явно неблагоприятных. Больше того, речь идет о массовом единовременном прекращении прав собственности на квартиры. По нашему мнению, споры по поводу реновации логичнее вывести из-под сферы действия общих норм ГК РФ о решениях собраний.

Важной особенностью судебного контроля, на взгляд автора, должна стать **проверка обоснованности включения объекта в программу реновации**. Формулировка закона о реновации (ст. 4) гласит, что органы государственной власти Москвы могут внести в перечень подлежащих реновации домов не только «хрущевки»¹⁵,

но и *аналогичные* им по характеристикам конструктивных элементов многоквартирные дома. Такая «резиновая» норма грозит злоупотреблениями, поскольку усмотрение исполнительной власти ничем не ограничено: ни возрастом, ни этажностью, ни состоянием домов¹⁶. В программе может оказаться любой дом, в том числе объекты авторской архитектуры и здания XIX в., составляющие историческую среду. Или же дом может входить в зону регулирования застройки, в которой законодательство об охране культурного наследия ограничивает строительство и хозяйственную деятельность, определяя требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

На практике суд, к сожалению, не изучает вопрос, является ли дом, оказавшийся в программе реновации, «аналогичным» хрущевкам, не назначает по этому вопросу экспертизу, лишь доверяя объяснениям органа власти. «Доводы апелляционной жалобы о том, что дом 10 по Дербеневской улице города Москвы построен в 1896 г., а потому не входит в число домов первого индустриального периода, в связи с чем не мог быть включен в программу реновации, судебной коллегией отклоняется как несостоятельный. Законом предусмотрена возможность включения в программу реновации не только домов первого периода индустриального домостроения, но и иных домов, аналогичных им по своим конструктивным характеристикам»¹⁷. Думается, по этой категории дел суду следует занимать активную позицию и, в соответствии с ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, выносить данные обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались. Мы считаем это особо актуальным в свете изменений, внесенных в закон о реновации, принятых в канун Нового года¹⁸, поскольку

¹⁴ Определения Московского городского суда: от 6 августа 2019 г. по делу № 33-25231/2019; от 28 марта 2019 г. по делу № 33-13576/2019; от 20 декабря 2018 г. по делу № 33-52955/2018; от 30 ноября 2018 г. по делу № 33-51511/2018; и т.п.

¹⁵ Дома первого периода индустриального домостроения с количеством этажей не более девяти, возведенные по типовым проектам, разработанным в период с 1957 по 1968 г., с использованием типовых изделий стен и (или) перекрытий.

¹⁶ Ильин Б.В., Кальгина А.А. Защита прав владельцев недвижимости при реконструкции и реновации. 3-е изд. М.: Юстицинформ, 2019. 340 с.

¹⁷ Определение Московского городского суда от 30 ноября 2018 г. № 33-48165/2018.

¹⁸ Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 472-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

теперь специальные полномочия органов власти Москвы касаются осуществления градостроительной деятельности и на объектах регионального значения. Это могут быть земельные участки, расположенные на особо охраняемых природных территориях, объектах культурного наследия, территориях общего пользования и т.д. То есть данные преобразования затрагивают неограниченный круг лиц, включая их «право на город», и требуют адекватного судебного контроля.

В заключение отметим, что при подготовке статьи поиск и анализ практики был сопряжен с дополнительными трудностями, поскольку адреса подлежащих реновации домов и иные важные сведения автоматизированно убираются программой для изъятия персональных данных, в то время как фактами интимного характера эта информация не является. Это всерьез мешает нормальной исследовательской работе, ибо правоведам приходится иметь дело с абзацами вроде: «адрес, в котором в настоящее время проживает истец со своей семьей, *расположенный по адресу: ***, включен в программу реновации. При этом истцу со стороны ДГИ г. Москвы предлагается равнозначное жилье: двухкомнатная квартира по адресу: ****»¹⁹.

О каком конкретно жилом доме, с какими характеристиками и местоположением идет речь, понять невозможно, так же, как и оценить, равнозначным является жилье или нет. То же самое относится к судебным актам об оспаривании решений общих собраний: «В многоквартирном доме, *расположенном по адресу: *** с *** года по *** года* в очно-заочной форме проведено внеочередное общее собрание собственников жилых помещений, на котором принято решение о включении вышеназванного дома в программу реновации. ...Собственниками жилых помещений в указанном доме являются *** человека. Также в доме имеется *** нанимателей жилых помещений и *** нежилых помещений. ... *** года по адресу: *** присутствовали *** собственников и нанимателей жилых помещений. С *** года по *** года проголосовало еще *** собственника и нанимателя жилых помещений»²⁰. В данном случае невозможно проверить, были ли соблюдены требования законодательства к общему собранию собственников. Этот порочный подход откровенно вредит опубликованию важных для общества документов и, надеемся, будет изменен.

¹⁹ Определение Московского городского суда от 26 апреля 2019 г. по делу № 33-19573/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Московского городского суда от 20 сентября 2018 г. по делу № 33-41699/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Джагарян А.А. Право на оспаривание нормативного акта как неотъемлемый способ судебной защиты: проблемы регулирования и реализации в административном судопроизводстве / А.А. Джагарян // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 263–287.
2. Ильин Б.В. Защита прав владельцев недвижимости при реконструкции и реновации / Б.В. Ильин, А.А. Кальгина. 3-е изд. Москва : Юстицинформ, 2019. 340 с.
3. Короткова М.В. Проблемы правового регулирования реновации жилищного фонда в городе Москве / М.В. Короткова // Образование и право. 2017. № 12. С. 194–199.
4. Медведев И.Р. «Отбеливание» нормативных правовых актов по главе 24 ГПК РФ: миф или реальность? / И.Р. Медведев // Закон. 2009. № 6. С. 181–202.
5. Медведев И.Р. Правовые аспекты программы реновации Москвы / И.Р. Медведев // Закон. 2017. № 7. С. 115–127.
6. Медведев И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) / И.Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 57–64.

Еремин Виктор Валерьевич,
лаборант-исследователь юридического
факультета Санкт-Петербургского
государственного университета,
старший преподаватель кафедры
государственного
и муниципального управления
Северо-Западного института
Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации
v.v.eremin@spbu.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-33-37

Виды арбитрабельности*

В настоящей статье рассмотрены виды такого правового явления, как арбитрабельность. Арбитрабельность в общем виде представляет собой возможность передачи спора в третейский суд (арбитраж) или международный коммерческий арбитраж. Арбитрабельность — относительно новая концепция для отечественного правопорядка, выведенная доктриной из судебной практики, но так и не нашедшая законодательного закрепления. Существующие подходы к арбитрабельности как в доктрине, так и судебной практике не позволяют до конца выявить ее возможную типологизацию, но достоверно можно определить некоторые виды арбитрабельности. Например, субъективную арбитрабельность исходя из круга субъектов спора и объективную арбитрабельность исходя из существа (объекта) спора. Данная классификация несовершенна, так как отечественный законодатель очень скупо регулирует субъективную арбитрабельность, которая фактически остается на откуп судебной практике, а объективная арбитрабельность не является упорядоченной и до конца прозрачной. Кроме того, судебная практика зачастую регулирует арбитрабельность вне своей компетенции, фактически пересматривая дела по существу, что приводит к «колебаниям» арбитрабельности и неустойчивости восприятия возможности передачи того или иного типа спора в арбитраж.

Ключевые слова: арбитраж, альтернативное разрешение споров, арбитрабельность, международный коммерческий арбитраж, третейский суд.

Арбитрабельность — это относительно новое явление в отечественной правоприменительной практике. Арбитрабельность в общем виде — это возможность спора быть рассмотренным третейским судом (арбитражем) или международно-коммерческим арбитражем (далее — МКА). Однако такой подход к арбитрабельности не является унифицированным по нескольким причинам: во-первых, нет четких и установленных критериев арбитрабельности, а значит, возможно практически безграничное толкование данного явления. Во-вторых, законодательно арбитрабельность не закреплена и поэтому спорными остаются ее границы, а также соотношение с компетенцией, которая применяется в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ), и подведомственностью, которая применялась ранее

и осталась в ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). В научной литературе уже предпринимались попытки определения арбитрабельности, обсуждались ее границы и критерии, но до сих пор концепция арбитрабельности в отечественном праве находится на стадии формирования¹. В настоящее время все-таки можно говорить о том, что фактически существует в Российской Федерации два регулятора арбитрабельности споров: законодатель и Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ)².

¹ Вопросы арбитрабельности становились предметом многих исследований. См., например: Карабельников Б.Р. Опять арбитрабельность, или Новая песня на старый лад // Закон. 2018. № 10. С. 148–157; Минина А.И. Арбитрабельность: теория и практика международного коммерческого арбитража. М.: Инфотропик Медиа, 2014. 128 с.

² ВС РФ зачастую трактует арбитрабельность по-своему и использует «публичный элемент» для признания спора неарбитрабельным или противоречащим публичному порядку.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90042.

Общее правило для арбитрабельности споров — это их гражданско-правовой характер, или же другими словами — законодательно закрепленный критерий арбитрабельности. Такой подход зафиксирован в Федеральном законе от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже) и Законе Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о МКА) с оговоркой на наличие иностранного элемента. В зарубежной доктрине принято выделять помимо 'arbitrability', то есть арбитрабельности, еще и 'in arbitrability', то есть неарбитрабельность как свойство спора, но данная концепция критиковалась, и, вообще, было заявлено о том, что арбитрабельно все, то есть не осталось гражданско-правовых споров, которые бы не могли быть рассмотрены арбитражем³. Тем не менее считаем, что отечественный законодатель придерживается концепции неарбитрабельности споров⁴.

Дихотомия правового регулирования арбитража в Российской Федерации (Закон об арбитраже, Закон о МКА) порождает следующее деление арбитрабельности как таковой: на международную арбитрабельность (то есть споров с наличием иностранным элементом) и внутреннюю арбитрабельность (внутрен-

ние споры). Продиктовано это, в частности, и законодательными ограничениями. Так, законодателем выведены из-под международной арбитрабельности концессионные соглашения, споры из которых в силу ст. 17 Закона о концессионных соглашениях должны рассматриваться в третейских судах Российской Федерации, правда, с оговоркой, что такие споры МКА могут быть рассмотрены, но МКА должен иметь институциональную связь с Российской Федерацией. Следовательно, одним видом деления арбитрабельности можно назвать международную и внутреннюю арбитрабельность.

Объективная арбитрабельность

Классическим же делением считается деление арбитрабельности на объективную и субъективную. С.Н. Лебедев, который, как считается, ввел в научный оборот термин «арбитрабельность»⁵, указывал на объективную арбитрабельность по французскому праву⁶. А.И. Минина также анализировала объективную арбитрабельность⁷, определяя ее через абз. 1 п. 2 ст. 36 Закона о МКА: «Объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с федеральным законом». Подобная норма содержится и в подп. 1 п. 4 ст. 239 АПК РФ как основание для невыдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Подходы к данной норме различаются: так, по нашему мнению, отсылка к данной норме возможна и в случае, если спор рассматривался международным коммерческим арбитражем.

См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 по делу № А40-165680/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Youssef, K. Chapter 3. The Death of Inarbitrability // *Arbitrability: International & Comparative Perspectives* (= *International Arbitration Law Library*. Vol. 19) / L.A. Mistelis, S.L. Brekoulakis (eds.). Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2009. P. 4768.

⁴ По нашему мнению, то, что в АПК РФ и ГПК РФ нашел отражение именно перечень неарбитрабельных споров (такая норма является калькой с Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже), свидетельствует о наличии приоритете концепции неарбитрабельности. Хотя в некоторых случаях законом напрямую указывается, какие споры являются арбитрабельными внутренними судами, но неарбитрабельными международным коммерческим арбитражем. Поэтому можно говорить, что в Российской Федерации действует подход к арбитрабельности смешанного типа.

⁵ Споры о правильности написания данного термина не утихают до сих пор. С.Н. Лебедев использовал вариант написания через «и», то есть арбитрабельность. Автор настоящей статьи придерживается позиции по использованию варианта написания через «е», то есть арбитрабельность. Для научных целей различия в написании принципиального значения не имеют, поэтому следует считать это в большей степени делом вкуса, а варианты написания равнозначными.

⁶ Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон / ТПП СССР. М., 1988. С. 61.

⁷ См.: Минина А.И. Объективная арбитрабельность в законодательстве, доктрине и арбитражной практике России // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 1. С. 115–124.

Закон о МКА свободно использует термин «третейский суд» в значении именно международного коммерческого арбитража, однако высказывалась и иная позиция о том, что ст. 239 АПК РФ распространяется лишь на внутренние третейские суды⁸. Тем не менее можно говорить о том, что в отношении объективной арбитрабельности сформирован перечень споров, который содержится в ст. 33 АПК РФ, ст. 22.1 ГПК РФ и иных федеральных законах.

В федеральном законодательстве содержится и целый ряд прямых указаний на возможность рассмотрения третейским судом того или иного вида споров, иногда не совсем удачно. Так, например, в п. 2 ст. 64 Земельного кодекса Российской Федерации указывается, что до принятия дела к производству судом земельный спор может быть передан сторонами на разрешение в третейский суд. В данной норме есть две ключевые неточности, которые влияют на ее толкование:

1. Нет отсылки к гражданско-правовой природе споров, которые могут быть рассмотрены третейским судом. Очевидно, что споры из таких отношений, как получение разрешения на отвод земель, учет земель, государственная регистрация земельных участков, по природе своей не являются гражданско-правовыми и не могут быть рассмотрены третейским судом. В.Ф. Попондопуло указывал, что правоотношения, связанные с владением, пользованием, распоряжением (триада права собственности) земельными участками, их оборотом, являются гражданско-правовыми и при наличии третейского соглашения споры из таких правоотношений могут быть рассмотрены третейским судом⁹. Поэтому, указав на общую возможность рассмотрения споров из земельных отношений, законодатель фактически пошел в противоречие с процессуальным законодательством, обозначив арбитрабельность

публичных правоотношений, которая вытекает из п. 2 ст. 64, если не толковать ее в совокупности с нормами АПК РФ, ГПК РФ и законодательства о третейских судах.

2. Формулировка «до принятия дела к производству судом» оставляет также возможность неоднозначного толкования и позволяет говорить о том, что речь идет о досудебном порядке урегулирования споров¹⁰. Правда, эта позиция абсолютно ложная и третейское разбирательство является альтернативным видом разрешения спора, но не обязательной досудебной процедурой. В доктрине, в частности, такую позицию отнесения арбитража к досудебным процедурам отстаивала Т.Н. Нешатаева¹¹.

А.И. Мининой делается вывод, что в настоящий момент невозможно подтвердить приверженность законодателя и практики мнению, что недопустимость арбитражного рассмотрения каких-либо споров должна устанавливаться на основании прямых указаний закона. А.И. Минина считает, что, если неарбитрабельность какого-либо спора все же не установлена законом, вопрос о неарбитрабельности должен решаться судом в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств дела. При этом автор же указывает, что установление неарбитрабельности какого-либо спора решением суда не должно влечь признание неарбитрабельности аналогичных споров, как это происходит в России в случае с решениями высших судов, благодаря реализации принципа единообразия судебной практики¹². Нам кажется данный подход абсолютно необоснованным и ставящим под сомнение в принципе целесообразность применения арбитража как способа разрешения споров сторонами. Если даже предположить, что стороны своею волей распространили арбитражную оговорку на отношения,

⁸ Комаров А.С., Карабельников Б.Р. Практика Федерального арбитражного суда Московского округа по делам, связанным с оспариванием и приведением в исполнение международных арбитражных решений // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 4. С. 11.

⁹ Попондопуло В.Ф. Регулирование компетенции третейских судов в России // Третейский суд. 2007. № 6. С. 11.

¹⁰ Такая позиция встречается и в судебной практике. См., например: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 7 мая 2009 г. № 6292.

¹¹ См.: Нешатаева Т.Н. Суд и арбитраж: историческая взаимосвязь и современное взаимодействие // Третейский суд. 2005. № 1. С. 6–18.

¹² Минина А.И. Объективная арбитрабельность в законодательстве, доктрине и арбитражной практике России // Там же. С. 121.

споры из которых не могут рассматриваться третейскими судами, но в силу закона ключевой критерий арбитрабельности — гражданско-правовой характер спора пускай формально, но был соблюден, то такое решение третейского суда не может быть отменено по основанию неарбитрабельности.

Субъективная арбитрабельность (*rationae personae*)

В доктрине под субъективной арбитрабельностью спора понимается способность лица заключать арбитражные соглашения. Она базируется на таких категориях, как дееспособность, правоспособность и правосубъектность¹³. Данные категории абстрактны и дискуссионны. Так, А.И. Коломиец критикует соотношение термина 'incapacity' и термина «дееспособность». Автором указывается, что из текста Нью-Йоркской конвенции непонятно, идет речь о дееспособности в том смысле, в котором она понимается в отечественном праве, или о правоспособности¹⁴. Тем не менее лицо, заключающее арбитражное соглашение (будь то физическое лицо, юридическое лицо или публично-правовое образование, действующее через исполнительные органы государственной власти), должно обладать правоспособностью.

Конституционный Суд Российской Федерации, указывая на субъектный состав участников третейского разбирательства, подчеркивал, что участие в третейском разбирательстве присуще частным лицам. Частные лица заключают договор и частные же лица доверяют рассмотрение своего спора третейскому суду¹⁵. Однако

КС РФ также указывал, что публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность их передачи на рассмотрение третейского суда, обуславливается не видом имущества (движимого или недвижимого), а спецификой правоотношений, из которых возникает спор относительно данного имущества, и составом участвующих в споре лиц¹⁶.

Публичное участие в частно-правовых отношениях и в качестве субъекта таких отношений — распространенный факт. Публичные субъекты в Российской Федерации не имеют четкой системы (не с точки зрения системы публичного управления), выстроенной в виде их участия в гражданско-правовых отношениях. Публично-правовые образования участвуют в гражданских правоотношениях через исполнительные органы государственной власти или через специально учрежденные юридические лица (коммерческие и некоммерческие). Парадоксально, тем не менее остается фактом, что в гражданско-правовых отношениях участвуют судебные и законодательные органы при осуществлении ими государственных закупок, которые, в свою очередь, являются гражданско-правовыми. И в теории могут обращаться за разрешением споров в арбитраж.

Еще в 1920-е годы высказывалась мысль о том, что «частное право поглощает значительную часть публичного, вследствие превращения всего мира в товар. Даже собственность государства остается правом частной собственности юридического лица государства. Не больше»¹⁷. Кроме того, гражданское законодательство, как известно, построено на принципах, которые содержатся в п. 1 ст. 1 ГК РФ, в том числе там есть и принцип равенства правового статуса для всех субъектов гражданского права. Этот принцип означает, что ни один субъект в гражданском праве не обладает какими-либо преимуществами перед

¹³ Например, В.С. Нерсесянц определяет правосубъектность лица через его правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Норма, 2000. С. 510.

¹⁴ Коломиец А.И. Особенности проявления субъективной арбитрабельности в практике заключения международных арбитражных соглашений // Право и экономика. 2014. № 8. С. 55.

¹⁵ «В основе этих процессуальных отношений лежит договор, согласно которому стороны (частные лица) доверяют защите своих гражданских прав избранному им составу третейского суда и признают его решения». См.: Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П. Абз. 3 п. 3.1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Там же. Абз. 6 п. 4.

¹⁷ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 64.

другими субъектами гражданского права. Одним из проявлений указанного принципа является то, что одни и те же нормы права распространяются на отношения с участием граждан и на отношения с участием организаций, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований¹⁸. Данный принцип имеет значение и в отношении собственности, так как из п. 4 ст. 212 ГК РФ следует, что права всех собственников защищаются равным образом. Следовательно, по отношению к государственной и муниципальной собственности возможны и альтернативные способы защиты, в том числе и путем арбитража. Мы должны воспринимать действия публичных субъектов в арбитраже как *acta jure gestionis*, а не как *acta jure imperii*. Вступая в гражданские правоотношения, публично-правовое образование (публичный субъект) признает равенство с другой стороной (частной компанией, физическим лицом), и в дан-

ном случае работает принцип *par in parem non habet jurisdictionem*.

О.Ю. Скворцов отмечает, что по общему правилу третейскому суду безразличен правовой статус участников третейского разбирательства при условии, что материальные отношения между ними носят гражданско-правовой характер. Таким образом, апелляции к публично-правовому статусу субъекта как самостоятельное основание для отказа в праве третейского суда рассматривать споры с его участием не выдерживают критики¹⁹.

Выводы

Таким образом, можно выделить следующие виды арбитрабельности в зависимости от критерия деления: внутренняя и международная арбитрабельность; объективная и субъективная арбитрабельность. Безусловно, существуют и другие виды арбитрабельности (например, процессуальная), которые требуют отдельного осмысления и исследования.

¹⁸ Гражданское право: учебник : в 3 т. Т. 1 / В.В. Байбак, Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.] ; под ред. Ю.К. Толстого. М. : Проспект, 2011. С. 30.

¹⁹ Скворцов О.Ю. Публичный элемент в споре и арбитрабельность спора // Третейский суд. 2014. № 4 (94). С. 82–83.

Литература

1. Гражданское право : учебник. В 3 томах. Т. 1 / В.В. Байбак [и др.] ; под редакцией Ю.К. Толстого. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2011. 784 с.
2. Коломиец А.И. Особенности проявления субъективной арбитрабельности в практике заключения международных арбитражных соглашений / А.И. Коломиец // Право и экономика. 2014. № 8. С. 55–61.
3. Комаров А.С. Практика Федерального арбитражного суда Московского округа по делам, связанным с оспариванием и приведением в исполнение международных арбитражных решений / А.С. Комаров, Б.Р. Карабельников // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 4. С. 7–32.
4. Коновалова Н.В. Арбитрабельность споров из акционерных соглашений / Н.В. Коновалова, М.В. Агальцова // Закон. 2014. № 4. С. 112–118.
5. Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон / С.Н. Лебедев. Москва : ТПП СССР, 1988. 124 с.
6. Минина А.И. Объективная арбитрабельность в законодательстве, доктрине и арбитражной практике России / А.И. Минина // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 1. С. 115–124.
7. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов / В.С. Нерсисянц. Москва : Норма, 2000. 552 с.
8. Попондопуло В.Ф. Регулирование компетенции третейских судов в России / В.Ф. Попондопуло // Третейский суд. 2007. № 6. С. 7–13.
9. Скворцов О.Ю. Публичный элемент в споре и арбитрабельность спора / О.Ю. Скворцов // Третейский суд. 2014. № 4 (94). С. 80–83.
10. Стучка П.И. Курс советского гражданского права / П.И. Стучка. Москва : Изд-во Коммунистической академии, 1927. 230 с.
11. Arbitrability: International & Comparative Perspectives / L.A. Mistelis, S.L. Brekoulakis (eds.). Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2009. 408 p.

Новикова**Екатерина Сергеевна,**

помощник судьи

Тринадцатого арбитражного

апелляционного суда,

аспирант кафедры гражданского

и административного

судопроизводства

Российского государственного

университета правосудия

ekaterina.asplbyandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-38-42

Отдельные вопросы порядка исполнения актов Европейского суда по правам человека при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам

Институт пересмотра дел по новым обстоятельствам рассматривается в статье как средство реализации органами судебной власти актов Европейского суда по правам человека. Доступность данного средства правовой защиты, в числе прочего, характеризуется процессуальным правилом определения судебной инстанции, компетентной на пересмотр вступившего в законную силу судебного акта по новым обстоятельствам, в соответствии с которым заявление о пересмотре надлежит подавать в суд, принявший последний судебный акт, вынесением которого закончилось рассмотрение дела по существу. По результатам исследования правовой природы данного правила установлено, что определяющим фактором его функционирования является формирование судом результата рассмотрения спора, который до открытия вновь открывшегося обстоятельства или возникновения нового обстоятельства соответствовал целям отправления правосудия и не выявлял наличия судебной ошибки, подлежащей исправлению в порядке самоконтроля. На основании анализа судебной практики применения рассматриваемого правила в рамках конкретных правовых ситуаций в статье обоснована необходимость уточнения положений, регламентирующих порядок подачи заявления о пересмотре по новым (вновь открывшимся) обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, обращение в суд.

Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам является средством устранения органами судебной власти судебной ошибки, допущенной при рассмотрении конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский Суд). Российское процессуальное законодательство на сегодняшний день предусматривает наиболее подробную и четкую регламентацию порядка реагирования на принятые в отношении Российской Федерации акты ЕСПЧ именно для органов судебной власти.

Вместе с тем при наличии развернутого процессуального регулирования порядка пересмотра дел по правилам рассматриваемого института, снабженного подробными руководящими разъяснениями высших судебных инстанций, данному институту свойственны пробелы и недостатки, на что неоднократно обращалось

внимание в юридической литературе¹. В дополнение к определенным в научной литературе рекомендациям по развитию законодательства в сфере регулирования института пересмотра дела по новым обстоятельствам, как элемента механизма правового регулирования порядка исполнения правоприменительных актов ЕСПЧ, необходимо отметить следующее.

Регламентация порядка обращения в суд с заявлением о пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам имеет

¹ См., напр.: Багыллы С.Т. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017; Петручак Р.К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве : монография. М. : Проспект, 2017.

существенное значение с точки зрения механизма правового регулирования внутригосударственного исполнения актов ЕСПЧ, поскольку определяет пределы доступности для заявителей рассматриваемого средства реализации возлагаемых Европейским Судом мер индивидуального характера. Ввиду того что исследуемая стадия пересмотра судебных постановлений представляет собой способ реализации судами самоконтрольных полномочий, возможность пересмотра постановлений (определений) судов апелляционной, кассационной и надзорных инстанций имеет важное законодательно установленное ограничение: данные судебные акты могут быть пересмотрены по новым обстоятельствам только в том случае, если при рассмотрении дела вышестоящими судебными инстанциями был изменен судебный акт нижестоящего суда или принят новый судебный акт.

Анализ процессуального правила определения судебной инстанции, в компетенции которой находится пересмотр дела по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам, позволяет сделать вывод, что определяющим фактором в нем является формирование судом результата рассмотрения спора, который до открытия вновь открывшегося обстоятельства или возникновения нового обстоятельства соответствовал целям отправления правосудия и не выявлял наличия судебной ошибки.

А именно по итогам разрешения спорной правовой ситуации судом формируется профессиональное суждение по существу заявленных требований, которое представляет собой результат рассмотрения спора. Впервые решение по существу спора принимается судом первой инстанции и, как юридический документ, является формой выражения вове результата рассмотрения спорной ситуации. При таких обстоятельствах результат рассмотрения спора, сформированный судом первой инстанции в его решении, вне зависимости от того, сколько судебных актов об оставлении его в силе в дальнейшем принято по делу, остается неизменным, цель судопроизводства до обнаружения вновь открывшихся или новых обстоя-

тельств является достигнутой именно в рамках рассмотрения дела судом первой инстанции. В случае установления вышестоящим судом факта недостижения целей судопроизводства указанная ситуация исправляется путем отмены или изменения состоявшихся по делу судебных актов.

В процессуальных кодексах не произведено разграничения понятий и оснований для отмены и изменения судебного акта. В свою очередь, как справедливо замечено К.И. Комиссаровым, изменение решения и вынесение нового решения представляют собой два разных полномочия, реализация каждого из которых зависит от характера допущенной судом ошибки². В.В. Ефимовой указано, что по сложившейся практике изменение судебного акта имеет место тогда, когда суд не принимает нового, противоположного решения по существу спора, а вносит некоторые изменения в обжалованный судебный акт³.

Таким образом, пересмотр по новым или вновь открывшимся обстоятельствам производится тем судом, который сформировал такой результат рассмотрения спора, в рамках которого до вскрытия вновь открывшихся обстоятельств или появления новых обстоятельств не просматривалось наличие судебной ошибки, а именно судом первой инстанции или одним из судов проверочных инстанций, которым по существу заявленных требований изменен судебный акт либо принят новый судебный акт без передачи дела на новое рассмотрение.

Вместе с тем довольно четкое и универсальное на первый взгляд процессуальное правило определения судебной инстанции, в компетенции которой находится пересмотр судебного акта по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам, в ходе применения на практике выявило потребность своего уточнения.

² Гражданский процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004 (автор гл. 24, 25 — К.И. Комиссаров) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2019).

³ См.: Ефимова В.В. Арбитражное процессуальное право: учебное пособие. М.: ИТК «Дашков и К», 2009 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2019).

Так, например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 13 ноября 2012 г. № 13649/11 по делу № А55-26766/2010⁴ сформулированы выводы в отношении ситуации, связанной с обращением в суд в рамках рассматриваемого института в следующих условиях. В результате инстанционного пересмотра дела кассационным судом оставлено в силе постановление суда апелляционной инстанции за исключением выводов, сделанных судом первой инстанции по части требований. В указанной части оставлено в силе решение суда первой инстанции. Таким образом, произошло дробление результата рассмотрения спора, при котором одна часть данного результата сформирована в решении суда первой инстанции, другая — в постановлении апелляционного суда. В указанном постановлении ВАС РФ указал, что рассмотрение заявления о пересмотре по новым обстоятельствам относится к компетенции суда первой инстанции в той части, в которой было оставлено в силе его решение, и к компетенции суда апелляционной инстанции в той части, в которой данное постановление было оставлено без изменения.

Представляется, с процессуальной точки зрения подход ВАС РФ соответствует исследуемому правилу определения судебной инстанции, в компетенции которой находится пересмотр дела по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам, сущность которого предопределена аспектами формирования результата рассмотрения спора, одновременно с этим испытывающая влияние самоконтрольного назначения данного института.

В свою очередь, применение данного правила в том виде, в котором оно сформулировано на сегодняшний день, может привести к возникновению ряда вступивших в законную силу судебных актов, содержащих судебную ошибку, которая уже просматривается в силу обнаружения вновь открывшихся или появления новых

обстоятельств, но не может быть устранена ввиду неверного определения заявителем сферы влияния такого обстоятельства на существо спора в совокупности с потенциальной возможностью пропуска срока обращения в суд другой инстанции с данным заявлением. В юридической литературе также обращено внимание на то, что изложенная позиция ВАС РФ допускает одновременное направление двух заявлений в разные судебные инстанции⁵, что может привести к вынесению противоположных судебных актов как необходимости пересмотра, так и по его итогам⁶. Указанное не соответствует особому и чрезвычайному характеру рассматриваемого института, представляющего собой особую гарантию права на судебную защиту.

В рамках обозначенной проблематики представляется, что необходимо исходить из определенной выше сущности рассматриваемого процессуального правила. Учитывая, что пересмотр производится тем судом, который сформировал результат рассмотрения спора, в рамках которого до вскрытия вновь открывшихся обстоятельств или появления новых обстоятельств не просматривалось наличие судебной ошибки, даже в случае частичной отмены или изменения судебного акта следует говорить об исправлении судебной ошибки вышестоящим судом и формировании результата рассмотрения спора вышестоящей судебной инстанцией, в которую и надлежит обращаться с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

При таких обстоятельствах, для целей придания наибольшей четкости и универсальности рассматриваемому процессуальному правилу в аспекте обозначенной проблемы, следует уточнить соответствующие процессуальные положения указанием на то, что пересмотр по вновь открывшимся и новым обстоятельствам апелляционными, кассационными и надзорными судами возможен, если данными

⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2012 г. № 13649/11 по делу № А55-26766/2010. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/1e8c4745-61bb-4e1a-99ac-bdab48500ee4> (дата обращения: 21.12.2019).

⁵ См.: Султанов А.Р. Подсудность рассмотрения заявлений о пересмотре по вновь открывшимся и новым обстоятельствам и практика ВАС РФ // Вестник гражданского процесса. М., 2013. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2019).

⁶ См.: Багыллы С.Т. Указ. соч. С. 152–153.

судебными инстанциями изменен судебный акт нижестоящего суда или принят новый судебный акт полностью или в части.

Еще одна противоречивая ситуация применения рассматриваемого процессуального правила возникла в рамках дела № А56-3443/2014, где при рассмотрении заявления о пересмотре по правилам искомого института апелляция суд, установив, что по результатам кассационного пересмотра постановление апелляции суда было изменено в части распределения судебных расходов, возвратил данное заявление. Суд кассационной инстанции при рассмотрении жалобы на указанное определение установил, что заявитель просит пересмотреть судебный акт по существу спора. Поскольку судебный акт апелляционной инстанции в этой части не был отменен или изменен (изменения коснулись только выводов суда о распределении судебных расходов), суд кассационной инстанции пришел к выводу, что им не принималось нового решения по существу требования при рассмотрении настоящего дела. Ввиду изложенного, апелляционное определение отменено, дело направлено в апелляционный суд для решения вопроса о принятии к производству заявления⁷.

На первый взгляд данная позиция суда округа представляется спорной, поскольку вносит неопределенность в процедуру пересмотра судебного акта в части определения конкретной инстанции, которая обладает полномочиями для пересмотра судебного акта, так как использованный кассационным судом подход прямо не предусмотрен нормами действующего законодательства и разъяснениями высших судебных инстанций. Вместе с тем приведенный пример демонстрирует отступление от формального подхода к определению последнего судебного акта для целей рассматриваемого производства.

Следует иметь в виду такой важнейший признак вновь открывшихся и новых обстоятельств, как их существенность, то

есть указанные обстоятельства должны принципиальным образом влиять на положенные в основу пересматриваемого судебного акта обстоятельства. В свою очередь, взыскание судебных расходов не охватывается понятием существа спора и является процессуальным действием, производным от результата рассмотрения дела по существу. Иными словами, взыскание судебных расходов невозможно в отрыве от производства по существу спора, поскольку в отсутствие обращения в суд такие расходы не возникли бы вообще, а распределение судебных расходов происходит исходя из итогов рассмотрения дела по существу. Более того, решение судом вопроса о порядке распределения судебных расходов никаким образом не влияет на суждения суда по существу спора.

С учетом изложенного надлежит заключить, что изменение судебного акта нижестоящего суда по основанию неверного распределения судебных расходов по оплате государственной пошлины не является следствием допущенной судом ошибки относительно существа заявленных требований. Судебный акт нижестоящего суда при таком изменении в части выводов по существу спора остается в неизменном виде. В свою очередь, требование о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта по новым обстоятельствам имеет своей целью отменить судебное решение, в котором допущены ошибки именно по существу заявленных требований.

Результат рассмотрения спора, как уже отмечалось ранее, представляет собой суждение суда по существу заявленных требований, в то время как распределение судебных расходов — это процессуальное действие, опосредованное итогом рассмотрения дела, никоим образом не влияющее на выводы суда по существу спора. С такой точки зрения, а также с учетом сути и назначения стадии пересмотра дел по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам, использованный кассационным судом в деле № А56-3443/2014 дифференцированный подход является оправданным. При этом отсутствие положений, посвященных вопросу правового регулирования использования такого

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 августа 2016 г. по делу № А56-3443/2014. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/c4120829-0737-454f-aa3e-c3820a225022> (дата обращения: 21.12.2019).

подхода, свидетельствует о том, что существует необходимость конкретизировать соответствующее положение руководящих разъяснений, действующих в сфере пересмотра дел по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам.

Принимая во внимание изложенное, а также с учетом сформулированного выше уточнения, положения процессуальных кодексов, предусматривающие порядок подачи заявления о пересмотре по новым (вновь открывшимся) обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления, принятого по апелляционной, кассационной или надзорной жалобам (ст. 393 Гражданского процессуального кодекса РФ⁸, второе предложение, ч. 2 ст. 310 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁹, ч. 2 ст. 345 Кодекса адми-

нистративного судопроизводства РФ¹⁰), надлежит изложить следующим образом: «Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу постановлений судов апелляционной, кассационной или надзорной инстанций, которыми изменено или принято новое судебное постановление, производится судом, по существу заявленных требований изменившим судебное постановление или принявшим новое судебное постановление полностью или в части».

Такой подход, представляется, восполнит обозначенные пробелы рассмотренного процессуального правила и обеспечит соблюдение основополагающих принципов отправления правосудия в рамках рассматриваемого института, а также сможет учесть его особое самоконтрольное назначение.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹⁰ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

Литература

1. Багыллы С.Т. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / С.Т. Багыллы. М., 2017. 219 с.
2. Гражданский процесс : учебник / под редакцией В.В. Яркова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2004. 703 с.
3. Ефимова В.В. Арбитражное процессуальное право : учебное пособие / В.В. Ефимова. Москва : Дашков и К, 2009. 432 с.
4. Петручак Р.К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / Р.К. Петручак. Москва, 2015. 216 с.
5. Султанов А.Р. Подсудность рассмотрения заявлений о пересмотре по вновь открывшимся и новым обстоятельствам и практика ВАС РФ / А.Р. Султанов // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2. С. 145–163.
6. Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве : монография / Л.А. Терехова. Москва : Проспект, 2017. 144 с.

Внимание! Акция апреля!

Только в период с 1 по 30 апреля 2020 года при оформлении годовой подписки на журнал «Юрист» скидка 30%! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться

по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный;

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

**Грабельников
Валерий Русланович,**
помощник арбитражного
управляющего
valgrab@live.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-43-48

К вопросу об обязанности арбитражного управляющего привлечь специалиста для обеспечения исполнения обязанностей в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) и о злоупотреблении арбитражным управляющим правом привлечения специалистов

В настоящей статье рассмотрены положения действующего законодательства Российской Федерации об обязанности арбитражного управляющего привлечь специалиста для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей и примеры из сложившейся судебной практики и из профессионального опыта автора статьи о злоупотреблении арбитражным управляющим правом на привлечение лиц для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей. Целью работы является анализ законодательства и судебной практики по теме настоящей статьи и представление его результатов в наглядной форме. Арбитражный управляющий в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника, в отношении которого введена соответствующая процедура, назначается судом и должен за ее время провести все необходимые и требуемые для данной процедуры мероприятия, составляющие его обязанности. В обеспечение их исполнения арбитражному управляющему законом о банкротстве предоставлено право привлечения специалиста. Но вместе с правом привлечения таких лиц в ряде случаев на арбитражного управляющего налагается обязанность привлечь специалистов, таких как реестродержатель, аудитор, оценщик, оператор торговой площадки. Оплата услуг указанных лиц осуществляется за счет имущества должника, а в случае его отсутствия или при недостаточности денежных средств на расчетном счете должника оплата производится за счет средств заявителя по делу о несостоятельности (банкротстве) должника. Злоупотреблением этим правом являются ситуации, когда арбитражный управляющий привлекает специалистов в отсутствие на то необходимости — при недобросовестном и неразумном ведении дела, не соответствующем целям процедуры. Самой легкой мерой, которую может применить суд, является признание привлечения специалиста и заключения с ним договора на оказание соответствующих услуг недействительным.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, привлеченный специалист, обязанность привлечения, превышение полномочий, обоснованность привлечения.

Одной из стадий жизни какого бы то ни было предприятия является его ликвидация. В случае когда юридическое лицо обладает достаточным запасом средств на проведение расчетов с кредиторами или на момент ликвидации оно не имело задолженности вовсе, указанная процедура проходит без привлечения третьего лица.

Однако же если юридическое лицо, организация, индивидуальный предприниматель или физическое лицо имеет задолженность перед кредитором, которую

погасить самостоятельно не в состоянии, инициируется соответствующая процедура несостоятельности (банкротства) и привлекается третье лицо — арбитражный управляющий. Теперь процедура расчета с кредиторами подчиняется положениям Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве).

Помимо общих требований к арбитражному управляющему, как к субъекту про-

фессиональной деятельности, подробно описанных в ст. 20 Закона о банкротстве, и тех, что требуются для назначения его на то или иное дело о несостоятельности (банкротстве), к нему также могут быть предъявлены дополнительные требования кредиторами или уполномоченным органом, как то: наличие высшего юридического, экономического или специального образования, обусловливающего специфику определенного дела, проведение арбитражным управляющим определенного количества процедур, применяемых в деле о банкротстве, или наличие определенного стажа руководящей должности в соответствующей отрасли экономики¹. Как указано выше, данные дополнительные требования к кандидатуре обусловлены узкой спецификой хозяйственной деятельности должника, особенностями ведения процедуры на подобных объектах, например градообразующих предприятиях, предприятиях оборонно-промышленного комплекса, или объектах естественных монополий или необходимостью наличия у арбитражного управляющего, кроме указанных требований, доступа к сведениям, составляющим государственную тайну.

Но следует также указать, что в соответствии с п. 5 ст. 20.3 Закона о банкротстве возложенные на арбитражного управляющего обязанности в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) не могут быть переданы иным лицам, за исключением случаев, предусмотренных § 3 гл. X Закона о банкротстве (Особенности банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства). Пункт 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»»² разъяснил, что невозможность передачи арбитражным

управляющим своих полномочий третьим лицам носит лишь ограничительный характер, предотвращая фактическое отсутствие личного участия арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве), на которое он был назначен судом.

Тем не менее абз. 6 п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве предусмотрено право арбитражного управляющего на привлечение для обеспечения возложенных на него обязанностей специалистов.

Не останавливаясь на этом подробно, отметим лишь, что привлечение специалиста там, где это не является обязательным требованием Закона о банкротстве, возможно и правомерно только тогда, когда в этом есть обоснованная необходимость. Здесь же рассмотрим ситуации, в которых арбитражный управляющий в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) обязан привлечь специалистов во исполнение на него возложенных обязанностей.

Так, Законом о банкротстве предусмотрена обязанность привлечения реестродержателя к ведению реестра требований кредиторов в том случае, если количество их, кредиторов, превышает пятьсот³. После заключения с ним соответствующего договора весь объем обязанностей и ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение или причинение убытков и/или ущерба кредиторам и должнику возлагается именно на реестродержателя, но не на арбитражного управляющего.

В ходе проведения процедуры наблюдения основной задачей временного управляющего является проведение анализа финансового состояния должника⁴, однако действующим законодательством⁵

в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 3 п. 2 ст. 16 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 2 п. 1 ст. 67 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 2 ст. 70 // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности». Подп. 4 п. 4 ст. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений

предусмотрен порядок, где анализ проводится не только на основе финансовой и бухгалтерской документации должника, но и на основании подтверждения ее достоверности аудитором. Привлечение его, аудитора, обязательно в случае, если выручка организации от ведения ею хозяйственной деятельности в предшествующем отчетном году превышает 400 млн руб. и/или сумма активов бухгалтерского баланса на конец предшествовавшего отчетному года превышает 60 млн руб. Достоверность сведений необходима для дальнейшего обоснования временным управляющим возможности или невозможности восстановления должником платежеспособности, целесообразности введения дальнейших процедур банкротства⁶.

В ходе внешнего управления, а равно и конкурсного производства, может сложиться ситуация, когда арбитражный управляющий обязан привлечь оценщика.

Так, Законом о банкротстве⁷ предусмотрено право кредитора или уполномоченного органа, если размер его требования, включенного в реестр требований кредиторов, превышает два процента от общего его размера, потребовать проведения оценки отдельного имущества организации в ходе процедуры внешнего управления в течение тридцати рабочих дней после опубликования внешним управляющим результатов инвентаризации. В течение двух месяцев с момента получения указанного требования арбитражный управляющий обеспечивает проведение оценки.

Однако имущество, проведение оценки которого потребовал кредитор или уполномоченный орган, оценивается лишь в том случае, если у должника имеется достаточный объем на то денежных средств или, при его недостаточности, лицо, заявившее это требование, после соответствующего уведомления временного управляющего перечислило необходимую сумму денежных средств на расчетный

счет должника. В противном случае оценка указанного имущества не производится.

Закон о банкротстве также требует⁸ проведения оценки имущества в том случае, если государству принадлежит доля в этом имуществе в размере более двадцати пяти процентов от общего, участвующего в голосовании размера имущества предприятия или акций акционерного общества. При этом составленный оценщиком отчет должен быть одобрен и получить соответствующее заключение от уполномоченного органа, которым, в соответствии с постановлением правительства⁹, является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Начальная стоимость реализации имущества устанавливается в соответствии с отчетом об оценке.

Привлечения оценщика также требует Закон о банкротстве, в том случае, если в ходе процедуры конкурсного или внешнего производства подлежит реализации предприятие¹⁰ или его часть¹¹, а также при продаже имущества или предприятия должника — крестьянского (фермерского) хозяйства¹².

Для дальнейшей реализации имущества должника в ходе любой процедуры, если иное не предусмотрено решением собрания или комитета кредиторов, арбитражный управляющий или организатор торгов, которым также может быть и привлеченное лицо, заключает соответствующий договор с оператором электронной

⁶ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 3 ст. 70 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 5.1 ст. 110 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 2 ст. 130 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432 (ред. от 21.12.2018) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом». Абз. 3 п. 1 гл. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 6 ст. 110 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 1 ст. 111 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 3 п. 1 ст. 222 // СПС «КонсультантПлюс».

площадки¹³, поскольку Законом о банкротстве предусмотрено, что любое имущество, принадлежащее должнику, реализуется посредством торгов, проводимых в электронной форме. Однако собрание или комитет кредиторов вправе решить иначе¹⁴.

В своей деятельности арбитражный управляющий должен стремиться к балансу: минимизировать затраты на ведение процедуры, но сохранить имущество должника в целостности до его реализации. Для этого ему предоставлен широкий круг полномочий, включающий одно из самых главных: рассматриваемое в настоящей статье полномочие, право на привлечение в обеспечение своих обязанностей специалистов.

Выполненный ими объем работ и достигнутые результаты находят отражение в отчете арбитражного управляющего о проведении соответствующей процедуры, а размер понесенных расходов признается судом обоснованным и возмещается за счет имущества должника. Но так происходит далеко не всегда.

Судебная практика располагает обилием примеров, когда действия арбитражного управляющего признаются необоснованными, незаконными, не преследующими цели проведения соответствующей процедуры несостоятельности (банкротства).

В одних ситуациях¹⁵ суд, рассматривая жалобу арбитражного управляющего в вышестоящую инстанцию, приходит к выводу, что привлечение специалиста для оказания юридических услуг в объеме, который арбитражный управляющий способен исполнить сам, и израсходование средств в связи с использованием привлеченного транспортного средства для нужд, не связанных с исполнением им обязанностей по процедуре наблюдения, являются

необоснованными и удовлетворению за счет должника не подлежат.

В других¹⁶ случаях суд признает незаконными и нарушающими права и законные интересы кредиторов действия арбитражного управляющего по привлечению специалистов, чья компетенция была поставлена кредитором под сомнение, и расходованию средств на оплату их услуг по договору, что привело к превышению лимитов затрат на привлеченных специалистов, и устанавливает размер оплаты услуг привлеченных специалистов в разы меньше, чем было указано в соответствующих договорах, ограничивая при этом и максимальную сумму этих трат за счет должника.

В иных ситуациях¹⁷ суд принимает сторону уполномоченного органа, с которого была взыскана сверх меры сумма понесенных арбитражным управляющим расходов, вознаграждения и выплаты задолженности перед привлеченным специалистом по завышенному тарифу, удовлетворяет требование и направляет дело на новое рассмотрение.

Случается¹⁸, что кассационную жалобу арбитражного управляющего на определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, в которых ему, арбитражному управляющему, было отказано в установлении размера оплаты услуг привлеченного специалиста, кассационная инстанция отказывается принимать, ссылаясь на отсутствие нарушения права нижестоящими инстанциями и тем самым подтверждая, что привлечение специалиста допустимо лишь при его необходимости.

Пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской

¹³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 20 ст. 110 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 6 п. 1.1 ст. 139 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 июля 2013 г. по делу № А33-10707/2011 // Картоотека арбитражных дел федеральных арбитражных судов Российской Федерации.

¹⁶ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июля 2017 г. по делу № А56-15051/2015 // Картоотека арбитражных дел федеральных арбитражных судов Российской Федерации.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2018 г. № 310-ЭС17-13555 по делу № А14-3727/2014 // Картоотека арбитражных дел федеральных арбитражных судов Российской Федерации.

¹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2015 г. по делу № 305-ЭС15-11067 // Картоотека арбитражных дел федеральных арбитражных судов Российской Федерации.

Федерации от 17 декабря 2009 г. «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»¹⁹ отметил отдельно в абз. 4, что указанные в нем правила о снижении размера оплаты услуг, оказанных привлеченным арбитражным управляющим специалистом, применимы также и к тем специалистам, привлечение которых было для арбитражного управляющего обязательным, в соответствии с требованиями Закона о банкротстве.

Как и любым иным, правом на привлечение в обеспечение возложенных на него обязанностей в рамках проведения процедуры несостоятельности (банкротства) арбитражному управляющему злоупотреблять не стоит, поскольку ответственность за невыполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей лежит на нем, но не на привлеченном специалисте. В настоящее время уполномоченный орган — не иной кредитор — особенно чутко отслеживает формальное неисполнение требований Закона о банкротстве²⁰ и массово направляет в суд жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего, руководствуясь при этом не нормами Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но требованиями внутриведомственных правил и приказов, имеющих значительно меньшую юридическую силу, нежели Закон о банкротстве.

При этом тот факт, что действия (бездействие) выразились в задержке опубликования арбитражным управляющим сообщения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве сообщения о, например, результатах проведения инвентаризации на день или на несколько часов, что никак не наносит вреда имущественным правам кредиторов, уполномоченным органом не учитывается. И суд подчас удовлетворяет подобные жалобы, привлекая

арбитражного управляющего к административной ответственности, заканчивающейся порой его дисквалификацией.

Что же касается привлеченных специалистов, арбитражному управляющему следует подходить к подобным тратам с позиций разумности и целесообразности. Законодатель вынес этот постулат отдельно²¹, указав, что соответствующий утвержденному нормативно-правовым актом Российской Федерации тарифу размеру оплаты услуги не может быть признан необоснованным, а сам факт необоснованности привлечения специалиста или установления размера оплаты оказываемой им услуги доказывать вынуждена именно та сторона, которая подает соответствующую жалобу или заявление.

Таким образом, арбитражный управляющий в настоящее время оказывается все более скован бюрократическими формальностями и не вполне адекватной реакцией со стороны кредиторов, уполномоченного и надзорного органов на не влекущие за собой ни малейшей юридической силы неточности. Ранее обладавший статусом судейского работника арбитражный управляющий медленно, но верно преобразуется в мелкого офисного клерка, погрязшего в бумажной работе, не приносящей никакого результата, но призванной контролировать его деятельность.

Складывающаяся ситуация и грядущая перспектива радовать не могут, поскольку при ожидаемом увеличении количества дел о несостоятельности (банкротстве) как юридических, так и физических лиц арбитражный управляющий вынужден тратить время на банальное и формальное составление ответов на запросы, которые можно найти в его отчетах, и отзывов на жалобы на его действия (бездействие), выражающиеся, как говорилось ранее, в соблюдении Закона о банкротстве, а не внутренних инструкций уполномоченного органа.

Соблюдение целей процедуры несостоятельности (банкротства) заменяется соблюдением бюрократических формальностей, как результат — лишь тормозящим

¹⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве». Абз. 4 п. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Арбитражного суда Красноярского края от 28 мая 2019 г. по делу № А33-19055/2014 // Картоoteca арбитражных дел федеральных арбитражных судов Российской Федерации.

²¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 2, 3 п. 5 ст. 20.7 // СПС «КонсультантПлюс».

и затягивающим процедуру, на что впоследствии также может быть подана соответствующая жалоба.

Конечно, добросовестное исполнение своих обязанностей арбитражным управляющим с соблюдением всех прописанных в Законе о банкротстве сроков и требований возможно и самим Законом предусмотрено. Законом о банкротстве даже предусмотрена строгая обязанность государственных органов, кредитных организаций, юридических и физических лиц предоставлять арбитражному управляющему любую касающуюся должника или его деятельности информацию²². Но подателями жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего не принимается во внимание неоспоримый факт — государственные органы, кредитные организации, юридические и физические лица и иные возможные стороны, да и сам должник, далеко не всегда соблюдают отведенный им на ответ срок в семь рабочих дней²³, равно как и прочие требования Закона о банкротстве, как и требования их внутренней документации и соответствующих законов, регулирующих их деятельность.

В указанных ситуациях и в тех, что складываются в рамках того или иного дела о несостоятельности (банкротстве), следует помнить и постоянно держать в фокусе цели и задачи самой процедуры и адекватно оценивать причины произведения арбитражным управляющим какого то ни было действия или бездействия.

Закон о банкротстве включает в себя исчерпывающий список ситуаций, в которых привлечение специалиста для арбитражного управляющего является обязанностью, и содержит норму, дающую ему, арбитражному управляющему, право привлечения таких лиц. И если в первом случае оспорить действия временного, административного, внешнего или конкурсного управляющего возможно лишь при непривлечении им указанного специалиста или

²² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 7 п. 1 ст. 20.3 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 10 п. 1 ст. 20.3 // СПС «КонсультантПлюс».

при необоснованности, завышении размера оплаты оказанных им услуг, то во втором — оспорено может быть любое привлечение специалиста, поскольку арбитражный управляющий, являясь профессионалом, прошедшим специальную подготовку, должен быть способен самостоятельно исполнить возложенные на него обязанности в рамках дела о несостоятельности (банкротстве). Исключение может иметь место только при наличии объема работ, с которым арбитражный управляющий сам не справится за отведенные на то сроки, или если подобное действие приведет к затягиванию дела, пропуску сроков или иным нарушениям действующего законодательства Российской Федерации.

Вышеуказанные обязанности относятся и к финансовому управляющему лишь в тех ситуациях, когда имущество физического лица или гражданина — индивидуального предпринимателя, в отношении которых введена соответствующая процедура несостоятельности (банкротства), требует проведения оценки привлеченным оценщиком, или в иных, указанных в настоящей статье и в Законе о банкротстве ситуациях, если на то имеется необходимость. В подавляющем же большинстве дел от финансового управляющего не требуется привлечение третьих лиц для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, возможное только при согласии на то должника²⁴, при финансировании со стороны кредитора²⁵ или при вынесении арбитражным судом, рассматривающим дело о несостоятельности (банкротстве), соответствующего определения²⁶. В противном случае у финансового управляющего отсутствует обязанность привлечения указанных третьих лиц, равно как и право на то.

²⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». П. 5 ст. 213.4 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 5 п. 6 ст. 213.9 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 2 п. 6 ст. 213.9 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-49-54

Смирнов
Виталий Имантович*,Меньшикова
Полина Александровна**

Особенности применения субординации требований кредиторов в процедуре банкротства

В настоящей статье рассматриваются основы правовой природы субординации требований кредиторов в процедуре банкротства в Российской Федерации и в иностранных правовых системах. Рассматриваются принцип равенства кредиторов и случаи отступления от него. Анализируются позиции Конституционного Суда, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и иностранных судов по вопросу установления очередности требований лиц, аффилированных с должником. Авторы рассматривают наиболее распространенные критерии, применяемые судами, которые позволяют определить степень корпоративной связанности кредиторов с должником. Исследуются повышенные стандарты доказывания, применяемые в процедуре банкротства, при определении экономической целесообразности сделки. Авторы приходят к выводам, позволяющим оптимизировать и привести в соответствие с базовыми принципами, лежащими в основе процедуры банкротства, порядок субординации требований кредиторов, аффилированных с должником, применяемый в Российской Федерации.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, кредиторы, аффилированные с должником, субординация требований кредиторов, принцип равенства.

В настоящий момент юристами, практикующими в сфере банкротного производства¹, активно обсуждается вопрос о субординации требований кредиторов² в делах о банкротстве. В процессе банкротства, как известно, основной целью, которую преследует конкурсный кредитор, становится получение как можно большего удовлетворения имеющихся требо-

ваний по отношению к должнику. Таким образом, в субординации требований заинтересованы все независимые кредиторы, так как это позволит избежать искусственного наращивания кредиторской задолженности и тем самым увеличить долю, которую кредитор сможет получить из сформированной конкурсной массы.

Субординация кредиторов позволяет соблюсти принцип *pari passu* — равенства кредиторов. Под равенством в данном случае следует понимать равенство как в процессуальном, так и материальном праве. Процессуальное равенство включает в себя право на справедливое судебное разбирательство, процессуальное равенство сторон, отсутствие дискриминации по отношению ко всем участникам банкротного

¹ Зайцев А. Поручительства участника при банкротстве общества: подлежат ли требования поручителя включению в реестр? // Интернет-портал «Закон.Ру». URL: <http://zakon.ru> (дата обращения: 12.12.2019); Суворов Е.Д. Требования связанных лиц: выработка общего подхода // Интернет-портал «Закон.Ру». URL: <http://zakon.ru> (дата обращения: 12.12.2019).

² Субординация — понижение требований конкурсного кредитора в очередности.

* Смирнов Виталий Имантович, заведующий кафедрой гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент, smwit@mail.ru

** Меньшикова Полина Александровна, заместитель генерального директора по правовым и корпоративным вопросам общества с ограниченной ответственностью «Управляющая Компания «АСП»», аспирант кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, possich@mail.ru

процесса. В свою очередь, в материальном праве равенство будет, как правило, проявляться в пропорциональном удовлетворении требований кредиторов³.

В литературе можно встретить более усеченную формулировку, поясняющую правовую природу принципа *pari passu*, а именно принципа обеспечения справедливости и упорядоченной ликвидации банкротов⁴. Однако не следует трактовать смысл данного принципа буквально, так как из него существует ряд исключений, связанных с установлением на законодательном уровне очередностей удовлетворения требований кредиторов. Национальные правовые режимы разных государств имеют возможность самостоятельно определить, какие лица будут иметь преимущество по отношению к иным кредиторам.

В отечественном законодательном регулировании самым очевидным примером служит ст. 134 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве), где установлено пять очередей удовлетворения требований кредиторов (но п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве гласит, что вне очереди за счет конкурсной массы погашаются требования кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о признании должника банкротом).

Также необходимо обратить внимание на п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве, согласно которому неустойки, пени и штрафы не учитываются для целей определения количества голосов, применяемых при голосовании на собрании конкурсных кредиторов; ст. 137 Закона о банкротстве определяет очередь погашения не учитываемых в качестве голосующих прав требований, убытков в форме упущенной выгоды, штрафов, пеней, неустоек и иных финансовых санкций, etc. и ставит их после погашения основного долга и процентов по нему; ст. 138 Закона о банк-

ротстве устанавливает особые правила в отношении кредиторов, чье требование обеспечено залогом.

В качестве одного из исключений можно привести положения абз. 2 п. 2 ст. 201.8-2 Закона о банкротстве, устанавливающего, что при формировании специального банковского счета для финансирования строительного объекта незавершенного строительства положения п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве об очередности удовлетворения требований не применяются.

Об обоснованности отнесения кредиторов к разным очередям высказался Конституционный Суд РФ в определениях от 3 октября 2002 г. № 231-О и от 25 мая 2017 г. № 1133-О, указав на то, что компетенция государственных органов включает в себя необходимость выработки экономической политики, к которой непосредственно относится закрепление на законодательном уровне определения очередности кредиторов в процессе банкротства. Также Конституционный Суд РФ отметил, что не оценивает экономическую политику государства, соответственно, не может признать неконституционными оспариваемые положения.

Данный довод Конституционного суда является спорным, так как выработка экономической политики государства как раз и строится на законодательном регулировании, соответствующем положениям Конституции РФ. Следовательно, ссылаясь на это, Конституционный суд отстранился от рассмотрения данного вопроса.

Так как почти все правопорядки содержат в себе отступления от принципа *pari passu*, то зачастую его признают лишь теоретическим положением, неприменимым на практике⁵.

Однако почти все принципы, являющиеся основополагающими, имеют исключения или отступления. Это связано с тем, что любая норма закона должна регулировать определенные взаимоотношения сторон, которые бывают зачастую сложными и имеют целый ряд нюансов, что неизбежно приводит к тому, что за-

³ Bork, R. *Principles of Cross-Border Insolvency Law*. Cambridge, 2017.

⁴ Finch, V. *Corporate Insolvency Law: Perspectives and Principles*. Cambridge, 2009. P. 485.

⁵ Mokal, R.J. *Priority as Pathology: The Pari Passu Myth* // *Cambridge Law Journal*. 2001. Vol. 60. Part 3. P. 581–621.

кон должен быть гибким и учитывающим особенности регулируемых отношений. Следовательно, отступая в некоторых случаях от принципа *pari passu* в определении порядка удовлетворения требований кредиторов, законодательство, таким образом, справедливо защищает интересы более слабых участников, если речь идет о бывших сотрудниках организации, или, например, если залоговый кредитор не будет иметь права преимущественного удовлетворения своих требований путем реализации заложенного имущества или оставления предмета залога за собой, то будет искажен основной смысл залоговых отношений.

Для целей введения ограничений в отношении статуса кредиторов необходимы серьезные основания. Например, исключение требований участников должника из состава конкурсных кредиторов, основанных на таком участии. Законодатель в данном случае опирался на тот факт, что процедура банкротства всегда напрямую связана с нехваткой денежных средств или иного имущества для погашения требований кредиторов, в том числе и нехваткой уставного капитала для удовлетворения требований. Следовательно, та финансовая составляющая, которая является вкладом участников должника, более не может обеспечивать защитную функцию для третьих лиц. Поэтому фактически уставный капитал, являющийся вкладом участников в обеспечение деятельности общества и защиты прав третьих лиц, перестает выполнять свою функцию, и компания продолжает свое существование исключительно за счет средств кредиторов⁶.

Показательным служит дело об исключении из состава кредиторов участника должника, которое легло в основу определения Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ) от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556(2) (далее по тексту — Определение ВС РФ).

⁶ Кокорин И.В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 119–137.

Участник должника включался в список кредиторов с долгом, образовавшимся на основании договора займа к должнику и регрессных требований, возникших после выполнения обязательств по договорам поручительства.

Несмотря на то что суды первой и апелляционной инстанций, а также суд округа основывались в процессе изучения вопроса о природе денежных средств, которые были переданы участником должнику по договору займа и выплачены кредиторам, на постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее по тексту — Постановление № 35), вынесенное решение позволяло такому участнику включиться в реестр требований кредиторов.

В свою очередь Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ (далее по тексту — СК ЭС) отменила принятые решения и направила дело на новое рассмотрение.

Основанием для подобного решения СК ЭС послужило следующее. В соответствии с абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве из числа конкурсных кредиторов должны быть исключены участники общества, если их притязания основаны на факте участия в уставном капитале компании.

При изучении вопроса о природе отношений, возникающих между компанией и ее участниками, необходимо разграничить гражданско-правовые отношения и корпоративные. Зачастую для удобства самих участников под гражданско-правовыми договорами скрываются отношения, имеющие исключительно корпоративную природу.

Так, СК ЭС отметила, что при отсутствии корпоративной составляющей отношения по договору займа между компанией и участником на тех условиях, на которых они были заключены, не возникли бы.

К тому же участник, обладая 50% уставного капитала, имел возможность непосредственно влиять на деятельность общества и, как следствие, на состояние платежеспособности.

Следовательно, на участника распространяются последствия неплатежеспо-

собности и, как итог, риск банкротства, которое зачастую вызвано неэффективностью управленческих решений. Значит, недопустимо ставить в один ряд требования участника, основанное на корпоративном интересе, с требованиями иных кредиторов.

Законодательное подкрепление данного тезиса можно отыскать в п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ, который гласит, что всегда должны соблюдаться требования добросовестности, разумности и справедливости.

В качестве рекомендации СК ЭС указала, что при изучении подобных договоров займа суды должны также рассмотреть предшествующее поведение участников договора до банкротства.

Необходимость в заемных средствах у организации может возникнуть в связи с итогом неэффективного управления компанией. Вместо использования процедуры увеличения уставного капитала участник принимает решение скрыть собственные управленческие ошибки в ущерб интересам кредиторов путем предоставления займа. Как следствие, количество голосов независимых кредиторов снижается за счет искусственно созданной кредиторской задолженности.

В подобных случаях суд при рассмотрении дела имеет возможность признать договор займа притворной сделкой в соответствии с п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), так как заем в действительности должен быть оформлен как увеличение уставного капитала.

В том числе допустимой является ссылка на п. 1 ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом.

Итогом подобного решения становится отказ во включении требований участника в реестр требований кредиторов.

Однако стоит отметить, что данную меру можно признать слишком радикальной. Например, законодательство Германии в подобных ситуациях применяет теорию субординации требований по займам, выданным организации ее учредителем, которая основывается на Equity Replacing Loans (займы, заменяющие уставный капитал)⁷.

⁷ Шевченко И. М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации)

Идея состоит в том, что при использовании заемной формы участник находится в выгодном положении, так как в случае банкротства его требование будет включено в реестр наравне со всеми кредиторами, но если предоставление заемных средств пришлось на период финансового кризиса в компании, то такой заем и иные сходные финансовые механизмы (например, экономически необоснованная и нецелесообразная отсрочка платежа на длительный период) будут признаны вкладом в уставный капитал общества.

Важно отметить, что субординация применяется к займам, выданным не только непосредственными участниками должника, но и лицами, участвующими в уставном капитале должника косвенным образом, а также третьими лицами, состоящими в тесных экономических отношениях с участниками, в том числе входящими в единую экономическую группу⁸.

В настоящий момент в правоприменительной практике Российской Федерации распространяется фактическая аффилированность, то есть более широкое понятие, нежели представленное, например, в Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Свою позицию по данному вопросу ВС РФ сформулировал в определении от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6).

ВС РФ подтверждает созвучность понятий заинтересованных лиц (п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве) и аффилированных лиц (ст. 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»).

ВС РФ отдельно отмечает тот факт, что аффилированность может быть установлена на основании не только корпоративной взаимосвязи, но и фактических обстоятельств.

Примером не прямой корпоративной связанности могут служить отношения между лицами, построенные на опреде-

требований кредиторов в делах о банкротстве // Российский судья. 2018. № 3. С. 10–14.

⁸ Faber, D., Vermunt, N., Kilborn, J., Richter, T. etc. Ranking and Priority of Creditors. Oxford, 2016. P. 296–300.

ленном сверхвыигрышном поведении в гражданском обороте, которое свидетельствует о том, что независимые друг от друга участники оборота не смогли бы провести аналогичные сделки на подобных условиях. Бремя доказывания экономической разумности сделки ложится на лицо, которое заявляет свои требования. Суд имеет право затребовать объяснения: «В частности, судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения».

Данный правоприменительный механизм имеет свою исследовательскую основу: «Волеизъявление юридического лица, осуществляемое через органы юридического лица, зависит от ряда факторов. Это собственное понимание целей и задач юридического лица волеизъявляющим органом юридического лица, это и соответствие такого понимания уставу юридического лица, это и влияние на собственную волю (волю органа юридического лица) воли других участников (учредителей юридического лица), связанность с их волей. В ряде же случаев признать волеизъявление юридического лица (осуществляемое через органы юридического лица) не соответствующим подлинной воле его учредителей (участников) в сделках гораздо проще, чем в сделках с участием физических лиц, особенно если есть протоколы общего собрания — органа, вырабатывающего волю в тех же хозяйственных обществах, или выработанные заранее положения устава юридического лица, в которых общая, первоначальная воля юридического лица закреплена»⁹.

Подтверждение данной позиции можно найти и у других исследователей. С.С. Вилкин в своей работе говорил о том, что решения коллегиальных или единоличных органов юридического лица по природе своей являются односторонними сделками. Так как участники, входящие

в состав коллегиального органа, имеют возможность голосовать за или против вынесенного на голосование решения, то особенностью такой односторонней сделки становится возможность совершения ее против воли части лиц, которые участвуют в принятии решения¹⁰.

Если совместить данные позиции ВС РФ, то аналогично участникам, имеющим прямую корпоративную взаимосвязь с компанией, лица, непрямо аффилированные с компанией, также не могут быть включены в реестр требований кредиторов наравне с независимыми кредиторами, если такие аффилированные лица предоставляют в период финансовой нестабильности организации займы или используют иные финансовые механизмы, которые в итоге направлены на подмену процедуры прямого увеличения уставного капитала.

В настоящий момент суды полностью отказывают во включении в реестр требований кредиторов аффилированным лицам, применившим подобную конструкцию.

Для установления факта недобросовестности суды применяют повышенный стандарт доказывания и расширяют требования, предъявляемые к доказательству реальности сделки, руководствуясь п. 26 Постановления № 35. Например, в отношении договора займа подлежит доказыванию не только факт передачи денежных средств, но и источники получения денежных средств, также подлежит рассмотрению их дальнейшее использование.

В свою очередь, немецкая практика признает наличие реального права требования, основанного на сделках, прикрывающих увеличение уставного капитала как прямо, так и косвенно аффилированных лиц, включая их в реестр требований кредиторов, оно подлежит удовлетворению после удовлетворения требований всех независимых кредиторов.

Необходимо признать, что практика Германии в данном вопросе является наиболее справедливой.

⁹ Смирнов В.И. Односторонние сделки в гражданско-правовом регулировании: теория и практика : монография. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России ; Типография «Победа», 2013. С. 85.

¹⁰ Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10–11.

В отечественном законодательстве используется мера защиты интересов кредиторов — понижение очередности удовлетворения реституционных требований кредитора, который действовал ненадлежащим образом, что установлено п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве.

В пункте 27 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» указывается, что подобный порядок является специфической санкцией за недобросовестное поведение.

Понижение в очередности кредитора произойдет и при условии пропуска им срока для подачи заявления о включении (ст. 142 Закона о банкротстве), независимо от его добросовестности. Такие требо-

вания будут признаны зарегистрированными. Они будут удовлетворены после погашения требований всех кредиторов, включенных в реестр.

Наиболее оптимальным разрешением сложившейся проблемы будет служить применение по аналогии порядка отнесения требований к зарегистрированным в отношении требований аффилированных с должником лиц, которые основаны на конструкциях, подменяющих увеличение уставного капитала. Использование системы, проверенной зарубежным опытом применения, позволит избежать ряда ошибок, которые уже учтены иностранными коллегами. По нашему мнению, подобное решение позволит признать обоснованность требования аффилированных с должником лиц, но не задеть интересы независимых кредиторов, которые являются приоритетными.

Литература

1. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.С. Вилкин. Москва, 2009. 30 с.
2. Зайцев А. Поручительства участника при банкротстве общества: подлежат ли требования поручителя включению в реестр? / А. Зайцев // Закон.Ру. URL: <http://zakon.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
3. Кокорин И.В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США / И.В. Кокорин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 119–137.
4. Смирнов В.И. Односторонние сделки в гражданско-правовом регулировании: теория и практика : монография / В.И. Смирнов. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2013. 364 с.
5. Суворов Е.Д. Требования связанных лиц: выработка общего подхода / Е.Д. Суворов // Закон.Ру. URL: <http://zakon.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
6. Шевченко И.М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве / И.М. Шевченко // Российский судья. 2018. № 3. С. 10–14.
7. Bork, R. Principles of Cross-Border Insolvency Law / R. Bork. Cambridge : Intersentia, 2017. 289 p.
8. Faber, D. Ranking and Priority of Creditors / D. Faber, N. Vermunt, J. Kilborn, T. Richter [et al.]. Oxford, 2016. 690 p.
9. Finch, V. Corporate Insolvency Law: Perspectives and Principles / V. Finch. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 918 p.
10. Mokal, R.J. Priority as Pathology: The Pari Passu Myth / R.J. Mokal // Cambridge Law Journal. 2001. Vol. 60. P. 3. P. 581–621.

Аскар**Носиржон Ибрагимович,**

начальник Центра системного анализа и исследования причин совершения преступлений при Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан
stek@inbox.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-55-58

Трансформация непоименованных договоров

Новые виды взаимоотношений между участниками гражданско-правовых отношений дают возможность для возникновения новых видов договоров. Эти договоры после обретения ими официальных очертаний в законодательстве трансформируются в «поименованные». В данной статье описан ход возникновения непоименованных договоров с проведением анализа типологии и структуры таких соглашений. Кроме этого, в статье уделено особое внимание современным типам заключаемых непоименованных договоров. Изучены мнения зарубежных и отечественных ученых по данному вопросу. Отмечено, что изучение вопроса о правильных и юридически грамотно составленных непоименованных договорах на сегодняшний день является одной из приоритетных отраслей гражданского права не только в Узбекистане, но и во всем мире.

Ключевые слова: непоименованные договоры, новые отношения, гражданское право, смешанные договоры, нетипичные соглашения, неустановленные правовые отношения.

Вопросу изучения возникновения и трансформации непоименованных договоров уделено небольшое внимание. Проблема признания со стороны официальных структур государства непоименованных договоров является актуальной на сегодняшний день.

На сегодняшний день, когда возникло много новых взаимоотношений, вопрос трансформации непоименованных договоров в юридически закрепленные в законодательстве особенно актуален. Совсем немногие исследователи посвятили свои труды изучению вопроса непоименованных договоров. Можно отметить научную работу Е.А. Батлера, которая посвящена некоторым вопросам теории и практики непоименованных договоров¹, а также научную работу В.А. Писчикова, в которой рассмотрены смешанные и нетипичные договоры².

Кроме этого, существенным является вопрос о размещении непоименованного договора на разных классификационных

уровнях договорных отношений. Речь идет о том, насколько применим институт непоименованного договора к типу, виду, подвиду конкретной договорной модели. Ответ на данный вопрос упирается в нахождение той классификации гражданских договоров, на основе которой с помощью «правильно выбранных критериев» можно было бы «разделить договоры на группы, объединяющие обязательства со схожей правовой регламентацией и разделяющие обязательства с различным правовым регулированием»³.

Следует отметить, что в гражданском кодексе большинства стран СНГ, в том числе и Республики Узбекистан, нет определения непоименованных договоров, хотя в ст. 354 Гражданского кодекса Республики Узбекистан указано, что стороны вправе заключать любые типы договоров, не запрещенных законодателем⁴.

Условно договоры можно разделить на два вида. Те, которые уже прописаны в законодательстве той страны, где происходит сделка, или стран, резидентами которых являются лица, участвующие

¹ Батлер Е.А. Непоименованные договоры: некоторые вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / Академия труда и социальных отношений РФ. М., 2006.

² Писчиков В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук / Московский университет МВД России. М., 2004.

³ Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М. : Юрист, 2004. 40 с.

⁴ Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Собрание законодательства Узбекистана. 1996.

в договоре, и те, которые никак не регулированы в нормативно-правовых актах. Например, договор купли-продажи, аренды или лизинга можно отнести к первому типу. Что касается примеров для второго типа, здесь следует исходить из того, что примером непоименованного договора может служить договор, который имеет место в жизни, но пока никак не прописан в законодательстве. Например, договор донора о сдаче крови в банк крови. Этот договор гласит о том, что человек добровольно отдает часть своего биологического тела в банк крови. В таких странах, как Узбекистан, где пока не существует закона о трансплантации, такой вид договора считается непоименованным. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что непоименованным договором считается договор, который определяет действия лиц по таким отношениям, которые еще не прописаны в законодательстве.

Например, в проекте Закона Республики Узбекистан «О трансплантации органов, тканей и (или) клеток человека» ясно указано, что действие этого закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани на кровь и (или) ее компоненты и деятельность, связанную с их использованием, что дает основания относить вышеуказанный вид договора к непоименованным договорам.

Непоименованные договоры являются важным звеном в переходе каких-либо отношений в правовое поле. Исходя из того что только прописанные в нормативно-правовых актах договора являются «поименованными», можно смело утверждать, что любой договор был когда-то в статусе «непоименованного», ведь, как всем известно, вначале в социуме появляются какие-либо отношения, для которых затем составляются отдельные виды договоров.

Вопрос заключения договора для майнинга биткоинов также интересен для изучения. Предприниматель берет

в аренду здание, в котором собирается установить компьютеры для майнинга биткоина. Понятно, что арендная часть данного договора регулируется договором аренды. Учитывая то, что майнинг биткоинов в основном заключается в потреблении электроэнергии в огромных количествах, в договоре аренды указывается, что в случае неоплаты вовремя электроэнергии со стороны арендатора арендодатель вправе отключить подачу электроэнергии. Получается, что физическое или юридическое лицо, которое сдает в аренду помещение для майнинга, становится энергосбыточной организацией. Однако, согласно законодательству Узбекистана, сторонами договора на энергоснабжение являются энергоснабжающая организация и абонент (потребитель), имеющий энергопринимающие устройства, присоединенные к сетям энергоснабжающей организации. Арендодатель не может являться энергоснабжающей организацией для арендатора, поскольку сам в качестве абонента получает электроэнергию для снабжения спорного здания. Арендодатель получает электроэнергию в связи с арендой помещения. В связи с этим соглашение, названное договором на отпуск и потребление электроэнергии, договором на электроснабжение не является. Это соглашение устанавливает порядок определения расходов арендатора на электроэнергию в арендуемом им помещении и является частью договора аренды. Право арендодателя за неуплату арендной платы отключить электроэнергию противоречит нормам Гражданского кодекса Узбекистана об аренде, поэтому данное договорное условие является недействительным. За невнесение арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа арендодатель вправе требовать расторжения договора аренды.

Если непоименованный договор никак не описан в нормативно-правовых актах, то возникает вопрос: как его можно правильно оформить? Рассмотрим дан-

ный вопрос на примере законодательства Узбекистана. В качестве примера можно взять договор об искусственном оплодотворении. Из-за отсутствия четких нормативов, регламентирующих данный вид деятельности, договор об искусственном оплодотворении является непоименованным. Следует отметить, что ни в Семейном кодексе Российской Федерации⁵, ни в Семейном кодексе Узбекистана⁶ прямой статьи, регламентирующей вопросы искусственного оплодотворения, нет. Отличительной чертой непоименованных договоров является то, что данный договор может иметь название и является непоименованным не потому, что у него отсутствует название, он является таковым ввиду того, что отношения, по которым он составляется, никак не отражены в законодательстве.

Вернемся к договору искусственного оплодотворения. На первый взгляд в договоре искусственного оплодотворения нет ничего примечательного. Обычно договор подразумевает, что клиника берет биоматериал мужчины и женщины, которые состоят в официальном браке, затем проводит с этим биоматериалом медицинские манипуляции и готовый эмбрион подсаживает женщине. В этой части данное отношение можно регламентировать договором оказания услуг, хотя сырьем для услуги является биоматериал людей. Проблема возникает тогда, когда в данный договор вмешивается банк биоматериалов людей. Очень часто те пары, которые обращаются за процедурой искусственного оплодотворения, не могут иметь совместных детей. Тогда из банка биоматериалов подбирается биоматериал других людей, женщины или мужчины, и смешивается с биоматериалом одного из супругов. Иногда биоматериалы обоих партнеров не подходят для осуществления медицинских манипуляций, и полностью используется

биоматериал других людей. При этом договоре получается, что супруги, которые обращаются за проведением искусственного оплодотворения, становятся родителями ребенка, биологические родители которого даже не подозревают о его существовании. Разумеется, речь не идет о краже биоматериалов, так как в банки биоматериалов люди сдают свои материалы добровольно. С каждым днем в нашей стране тех семей, которые хотели бы использовать искусственное оплодотворение, становится больше, но, так как этот вопрос не до конца отрегулирован на законодательном уровне, ни одна из клиник в нашей стране в настоящее время не занимается проведением операций по искусственному оплодотворению и люди уезжают в соседний Казахстан для осуществления этой операции. Учитывая, что цена каждой операции варьируется от 3 до 5 тыс. американских долларов, можно сказать, что в результате того, что данный вид деятельности отрегулирован не полностью, бюджет нашей страны теряет достаточно средств. Недавнее принятие Закона «Об охране репродукции граждан», конечно, стало важным шагом в направлении «официализации» данного вида договора, но пока речи о проведении полномасштабных операций по искусственному оплодотворению не идет, а механизмы, которые должны работать, пока не разработаны.

Исходя из вышеперечисленного, предлагается рассмотреть вопрос о выдаче лицензий специализированным клиникам в нашей стране на осуществление деятельности по искусственному оплодотворению. В рассмотрении данного вопроса необходимо учесть и заинтересованность частных клиник, так как посредством использования преимуществ ГЧП в данном вопросе есть возможность покрыть расходы на дорогостоящее оборудование.

В заключение необходимо отметить, что с развитием того или иного государства вопрос о непоименованных договорах будет только наращивать свою актуаль-

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г.

⁶ Семейный кодекс Республики Узбекистан // Сборник законодательства Узбекистана. 1996.

ность, из-за того, что законодатель по объективным причинам не в состоянии указать все виды договоров в нормативно-правовых актах. Кроме этого, как правило, действие сначала возрождается и только потом принимаются нормативы, его регулирующие.

Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что изучение вопроса о правильных и юридически грамотно составленных немоименованных договорах на сегодняшний день является одной из приоритетных отраслей гражданского права не только в Узбекистане, но и во всем мире.

Литература

1. Батлер Е.А. Непоименованные договоры: некоторые вопросы теории и практики : диссертация кандидата юридических наук / Е.А. Батлер. Москва, 2006. 183 с.
2. Писчиков В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России : диссертация кандидата юридических наук / В.А. Писчиков. Москва, 2004. 193 с.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-3-58-60

К вопросу о допросе несовершеннолетнего свидетеля

В статье рассмотрен вопрос об участии педагогического работника при допросе в судебном заседании несовершеннолетнего свидетеля. Произведен анализ соответствующих нормативных правовых актов, в частности профессиональных стандартов в области образования и науки, а также точек зрения представителей научного сообщества. Предложено разрешение поставленной проблемы. Обоснована необходимость внесения некоторых поправок в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего, свидетельские показания, педагогический работник, педагог-психолог, профессиональный стандарт.

Правовые положения, закрепленные в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ), содержат нормы о порядке допроса в судебном заседании несовершеннолетнего свидетеля¹.

Очевидно, что обстановка судебного разбирательства для рассматриваемого субъекта малоизвестна, а реакция на происходящее может быть достаточно непредвиденной. Также не стоит забывать, что у несовершеннолетних имеются некоторые особенности, связанные с их психикой, в частности их знания и жизненный опыт достаточно ограничены, а адаптивные навыки находятся в процессе формирования.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

В целях создания более удобных условий для таких свидетелей законодательно установлено, что допрос свидетеля в возрасте до четырнадцати лет производится с участием педагогического работника, который вызывается в суд. При этом по усмотрению суда аналогичное правило распространяется и на допрос свидетеля в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Однако в практической деятельности имеются проблемы, связанные с реализацией данной правовой нормы, что будет рассмотрено в настоящей работе. При этом видится необходимость внесения некоторых поправок на соответствующем уровне.

Как справедливо отмечает Л.Б. Ситдикова, допрос указанных лиц требует знания детской психологии, а также умений и достаточных навыков работы с детьми². Если подобного опыта у специалиста не имеется, то существует вероятность того, что подросток не может быть надлежащим образом защищен от причинения каких-либо травм его психике. Следовательно, представляется, что педагогический работник с отсутствием соответствующих знаний в данной области не сможет участвовать в судебном процессе, эффективно таким образом взаимодействуя с ребенком. В связи с чем имеется необходимость поиска соответствующего лица.

При анализе обозначенной проблемы следует обратиться к профессиональным стандартам в области образования и науки, в частности трем принятым стандартам:

1) педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)³;

2) педагог-психолог (психолог в сфере образования)⁴;

3) педагог дополнительного образования детей и взрослых⁵.

Исходя из обозначенного видится, что вышеназванным характеристикам более всего соответствует должность педагога-психолога. В связи с чем было бы целесообразным привлекать к участию в судебном заседании в случае допроса несовершеннолетнего лица именно такого педагогического работника. Представляется, что такой субъект более углубленно разбирается в особенностях психики несовершеннолетнего, в связи с чем, реализуя свои профессиональные навыки, он может помочь подростку адаптироваться к достаточно неестественной внутренней обстановке, существующей в судебном заседании.

Также, исследуя положения профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 июля 2015 г. № 514н, можно сделать вывод о том, что основной целью данного вида профессиональной деятельности является оказание несовершеннолетним обучающимся психолого-педагогической помощи, которые признаны либо являются в случаях и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством:

- 1) подозреваемыми;
- 2) обвиняемыми;
- 3) подсудимыми;
- 4) потерпевшими;

18 октября 2013 г. № 544н // Российская газета. 2013. 18 декабря.

⁴ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»: приказ Минтруда России от 24 июля 2015 г. № 514н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 20.08.2015).

⁵ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»: приказ Минтруда России от 5 мая 2018 г. № 298н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 29.08.2018).

² Ситдикова Л.Б. Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетнего свидетеля в гражданском процессе // Юридический мир. 2016. № 9. С. 45.

³ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ Минтруда России от

5) свидетелями преступления⁶.

Исходя из анализа вышеуказанного, представляется, что соответствующие умения и знания, приобретенные педагогом-психологом, позволяют не только взаимодействовать с несовершеннолетним по вышеизложенным вопросам, но и участвовать в судебном заседании при допросе несовершеннолетних лиц в рамках гражданского и административного судопроизводства.

Продолжая рассматривать данный вопрос, целесообразно остановиться на точке зрения Ш. Заман и Н. Лебедевой, которые утверждают, что психологу, который участвует в судебном процессе, необходимо наличие юридического образования⁷.

По данной дискуссии возможно согласиться с мнением Л.Б. Ситдиковой, указывающей на необоснованность вышеназванной позиции в связи с тем, что, во-первых, задачей психолога является установление соответствующего психологического контакта с несовершенно-

летним, имеющего целью обеспечение эффективности проведения допроса этого свидетеля, а разрешение споров юридического характера относится к компетенции суда, и, во-вторых, данное требование привело бы к необходимости специальной подготовки таких лиц, что с практической точки зрения является нецелесообразным⁸.

Таким образом, на основании вышеизложенного, в ч. 1 ст. 179 Гражданского процессуального кодекса РФ предлагается внести изменение о том, что допрос лиц, указанных в этой статье, производится с участием именно педагога-психолога.

Думается, что более тщательный акцент на возрастных особенностях несовершеннолетних свидетелей, который будет реализован в законодательстве и на практике, а также использование специальных познаний специалистов, взаимодействующих с такими свидетелями, будут способствовать повышению эффективности совершения процессуальных действий с участием указанных лиц, а также защите их прав и законных интересов.

⁶ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»: приказ Минтруда России от 24 июля 2015 г. № 514н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 20.08.2015).

⁷ Заман Ш., Лебедева Н. Место и роль психолога в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 3. С. 26.

⁸ Ситдикова Л.Б. Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетнего свидетеля в гражданском процессе // Юридический мир. 2016. № 9. С. 45.

Литература

1. Заман Ш. Место и роль психолога в гражданском процессе / Ш. Заман, Н. Лебедева // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 3. С. 25–29.
2. Ситдикова Л.Б. Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетнего свидетеля в гражданском процессе / Л.Б. Ситдикова // Юридический мир. 2016. № 9. С. 45–48.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCEPRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

№ 3/2020

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 24.03.2020.

Issue was published: 01.04.2020.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 Gavryushov N.E. On Reducing the Burden on Court

6 Minaev A.V., Nedvetskaya Ya.S. Peculiarities
of Proving the Non-Monetary Nature of a Pledge
Agreement

10 Zatonova D.Yu. On the Phenomenon of Property
Procedural Relations Linking the Court and a Court
Expert

16 Valeev D.Kh., Nuriev A.G., Shakiryayev R.V.
Practical and Doctrinal Issues of the Use of State
Languages of the Constituent Entities of the Russian
Federation in Procedural Branches of Law on the Example
of Civil Proceedings

24 Tsaregorodtseva E.A. On the Possibility of the
Transfer of Writ Proceedings to Notaries

28 Medvedev I.R. Judicial Disputes over the Moscow
Renovation Program

33 Eremin V.V. Arbitrability Types

38 Novikova E.S. Separate Issues of the Procedure
for the Enforcement of Acts Issued by the European Court
of Human Rights in Review of Effective Judicial Acts
Based upon New Evidence

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

43 Grabelnikov V.R. On the Insolvency Receiver's
Responsibility to Attract a Specialist to Ensure
the Performance of Duties within the Framework
of an Insolvency (Bankruptcy) Case and Abuse
of the Right to Attract Specialists by an Insolvency Receiver

49 Smirnov V.I., Menshikova P.A. Peculiarities
of the Application of the Subordination of Creditors'
Claims in a Bankruptcy Procedure

CIVIL PROCEDURE OF FOREIGN COUNTRIES

55 Askarov N.I. The Transformation of Non-Defined
Contracts

OUR GUESTS

58 Yarkov A.A. On the Interrogation of a Minor Witness

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

On Reducing the Burden on Court**Gavryushov Nikita E.**

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Chelyabinsk State University

The article addresses the issue of reform of procedural legislation. In particular, the expediency of the procedural law reform that was made, which changes were made and which were not, and which were necessary, for example, the fact that the participation of state bodies in court often unreasonably increases the workload of the court, which was accepted.

Keywords: state bodies, procedural law, abuse of right, reforms, court load.

Peculiarities of Proving the Non-Monetary Nature of a Pledge Agreement**Minaev Aleksandr V.**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of History and Law of the Katanov Khakass State University

Doctoral Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Member of the Association of Lawyers of Russia

Member of the Russian Academy of Legal Sciences

Professor of the Academy of Military Sciences

PhD (Law), Associate Professor

Nedvetskaya Yadviga S.

Assistant Judge of the Commercial Court of the Krasnoyarsk Territory of the Russian Federation

This article highlights the specifics of contesting a loan contract for non-cash, considers a set of special conditions necessary for declaring a loan contract null and void due to the lack of evidence of receipt of funds by the borrower.

Keywords: Arbitration Procedure Code, arbitration process, proving, contesting a loan agreement, non-cash loan agreement, non-conclusion of the agreement.

On the Phenomenon of Property Procedural Relations Linking the Court and a Court Expert**Zatonova Darya Yu.**

Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure of the Saint Petersburg State University

The article is devoted to identifying the specifics of legal relations connecting the court and the judicial expert, which allows us to conclude that the existence of civil procedural legal relations with property content should be recognized in the system of civil procedural relations.

Keywords: property procedural legal relations, judicial expert, judicial expertise.

Practical and Doctrinal Issues of the Use of State Languages of the Constituent Entities of the Russian Federation in Procedural Branches of Law on the Example of Civil Proceedings**Valeev Damir Kh.**

Deputy Dean for Research of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University

Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, LL.D., Professor

Nuriev Anas G.

Head of the Administrative Office of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan

PhD (Law), Associate Professor

Shakiryayov Rafail V.

Judge Emeritus of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan

Honored Lawyer of the Russian Federation

PhD (Law), Associate Professor

This article analyzes the issues of applied value and the real realization of the right to judicial protection in the state languages of the subject of the Russian Federation based on a survey conducted by the authors of this article as part of a grant study of the supreme courts of the subjects of the Russian Federation with the ability to consider civil cases in the state language of the subject of the Russian Federation. The judicial authorities were asked five questions: how many civil cases were considered in the state language of your constituent entity of the Russian Federation for the period from 2010 to 2018; how many final decisions on civil cases were made in the state language of your constituent entity of the Russian Federation; Does your subject of the Russian Federation have the Code of Civil Procedure of the Russian Federation translated into the state language of the subject of the Russian Federation; whether there was a need in your constituent entity of the Russian Federation to consider civil, administrative and criminal cases in the state language of the constituent entity of the Russian Federation; what problems do you think exist in the application of the state language of the subject of the Russian Federation in civil proceedings? Accordingly, this article presents a synthesis of this information and specific proposals, using the example of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, the Republic of Tatarstan, the state languages of the republics within the Russian Federation, the rights to judicial protection, civil proceedings.

On the Possibility of the Transfer of Writ Proceedings to Notaries**Tsaregorodtseva Ekaterina A.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article examines the issue, widely discussed in the science of the civil procedure, of removing from the court jurisdiction the writ proceedings and transferring to the competence notaries. The author notes the prerequisites for such a transfer and the corresponding consequences. The article concludes that it is possible to transfer writs to the competence of notaries, but only if the mechanism for issuing writs is carefully worked out.

Keywords: correspondence proceedings, writ proceedings, writ, civil litigation.**Judicial Disputes over the Moscow Renovation Program****Medvedev Ivan R.**

Associate Professor of the Vysokovsky Graduate School of Urbanism (GSU) of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

PhD (Law)

The article provides an analysis of judicial practice for the first few years of the Moscow Housing Renovation Program. It is indicated that the possibilities for citizens to challenge various decisions made within the framework of the renovation program can be described as very limited. In fact, residents can only appeal to a court a decision made by the general meeting of owners of premises in an apartment building. The author criticizes the application of the general norms of the Civil Code of the Russian Federation in disputes on renovation, and points out the need for the court to verify the validity of including a house in the renovation program.

Keywords: renovation, judicial practice, judicial control, general meeting of owners, challenging of statutory acts.**Arbitrability Types****Eremin Viktor V.**

Research Assistant of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University

Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Law of the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In this article discusses the types of legal phenomena such as arbitrability. Arbitrability in general terms represents the possibility of a dispute to be an object of arbitration or international commercial arbitration. Arbitrability is a relatively new concept for the domestic law and order derived from the doctrine of judicial practice, but still has not found legislative consolidation. Existing approaches to arbitrability both in the doctrine and in judicial practice do not allow to fully identify its possible typologization, but certain types of arbitrability can be reliably determined. For example, subjective arbitrability based on the circle of subjects of the dispute and objective arbitrability based on the substance (object) of the dispute. This classification is imperfect, since the domestic legislator very sparingly regulates subjective arbitrability, which actually remains at the mercy of judicial practice, and objective arbitrability is not ordered and completely transparent. In addition, judicial practice often regulates arbitrability beyond its jurisdiction, in fact reviewing cases on the merits, which leads to 'fluctuations' of arbitrability and instability in the perception of the possibility to transfer a particular type of dispute to arbitration.

Keywords: arbitration, arbitrability, dispute resolution, arbitration court, international commercial arbitration.**Separate Issues of the Procedure for the Enforcement of Acts Issued by the European Court of Human Rights in Review of Effective Judicial Acts Based upon New Evidence****Novikova Ekaterina S.**

Assistant Judge of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal

Postgraduate Student of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice

The Institute of cases review under new facts is considered in the article as a means of executing the European Court's of Human Rights acts by judicial authorities. The availability of this remedy is characterized, among other things, by the procedural rule of determining the court competent to review an enforceable judicial act under new facts, according to which the petition for review must be submitted to the court, adopted the last judicial act ended the consideration of a case on the merits. It is established by results of research of the legal nature of this rule that the defining factor of its functioning is creation by court of such result of consideration of case which corresponded to the purposes of administration of justice and didn't reveal any miscarriage of justice, subject to correction in the order of self-control, before opening of the newly opened facts or emergence of the new facts. Based on the analysis of judicial practice of application of these rule within the specific legal situations in the article prove the need to clarify the provisions governing the filing of the application for review of the final judgments under new (newly discovered) facts.

Keywords: European Court of Human Rights, newly discovered facts, new facts, judicial recourse.

On the Insolvency Receiver's Responsibility to Attract a Specialist to Ensure the Performance of Duties within the Framework of an Insolvency (Bankruptcy) Case and Abuse of the Right to Attract Specialists by an Insolvency Receiver

Grabelnikov Valeriy R.

Assistant to an Insolvency Receiver

This article discusses the provisions of the current legislation of the Russian Federation on the obligation of an arbitration manager to attract a specialist to ensure the performance of duties assigned to him and examples from the prevailing judicial practice and professional experience of the author of an article on abuse of the right by an arbitration manager to attract persons to ensure the performance of duties assigned to him. The aim of the work is to analyze legislation and judicial practice on the topic of this article and present its results in a visual form. The arbitration manager in the framework of the insolvency (bankruptcy) case of the debtor in respect of which the corresponding procedure has been introduced is appointed by the court and must, during its time, carry out all necessary and required measures for this procedure, which constitute its obligations. In order to ensure their execution, the arbitration manager of the Bankruptcy Law has the right to attract a specialist. But along with the right to attract such persons in some cases, the arbitration manager is required to attract specialists, such as a registrar, auditor, appraiser, and trading platform operator. Payment for the services of these persons is carried out at the expense of the property of the debtor, and in the event of its absence or insufficient funds on the bank account of the debtor, payment is made at the expense of the applicant in the insolvency (bankruptcy) case of the debtor. An abuse of this right is a situation where the arbitration manager engages specialists in the absence of a need — with unfair and unreasonable conduct of the case that does not meet the objectives of the procedure. The easiest measure that the court can apply is to recognize the involvement of a specialist and conclude an agreement with him for the provision of relevant services as invalid.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy trustee, involved specialist, obligation to attract, abuse of authority, validity of attraction.

Peculiarities of the Application of the Subordination of Creditors' Claims in a Bankruptcy Procedure

Smirnov Vitaliy I.

Head of the Department of Civil and Corporate Law of the Law Faculty of the Saint-Petersburg State Economic University

PhD (Law), Associate Professor

Menshikova Polina A.

Deputy CEO for Legal and Corporate Issues of Managing Company ASP Limited Liability Company

Postgraduate Student of the Department of Civil and Corporate Law of the Law Faculty of the Saint-Petersburg State Economic University

Bases of legal nature of creditors' demands subordination in bankruptcy proceedings in the Russian Federation and in foreign laws are considered in this article. Creditors' equality principle and cases of its deviation are also examined in it. The authors analyze the positions of the Russian Federation Constitutional Court, of the Russian Federation Supreme Court of arbitration Plenum and the positions of foreign courts on the question of priority establishment of creditors' demands. They consider the most common criteria that are put into practice by courts and that allow to determine the degree of corporative association of creditors with debtors. Heightened standards of proving used in bankruptcy proceedings when determining the economic advisability of the contract are examined in the article. The authors come to conclusions that allow to optimize and to bring the order of subordination of creditors' demands affiliated with debtors in correspondence with basic principles that lie in the basis of bankruptcy proceedings and are put into practice in the Russian Federation.

Keywords: bankruptcy, creditors' demands affiliated, creditors' demands subordination, equality principle.

The Transformation of Non-Defined Contracts

Askarov Nosirzhon I.

Head of the Center for Systemic Analysis and Studies of Crime Grounds under the Academy of the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan

New types of relationships between participants in civil law relations provide an opportunity for the emergence of new types of contracts. These contracts, after their official form in the law are transformed into 'named' ones. This article describes the progression of unnamed contracts with an analysis of the typology and structure of such agreements. In addition, the article gives special importance to modern types of concluded unnamed contracts. The opinions of foreign and domestic scientists on this issue have been studied. It is noted that studying the issue of correct and legally competently drawn up unnamed contracts is today one of the priority sectors of civil law not only in Uzbekistan but throughout the world.

Keywords: unnamed contracts, new relationships, civil law, mixed contracts, atypical agreements, undefined legal relationships.

On the Interrogation of a Minor Witness

Yarkov Andrey A.

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Chelyabinsk State University

The article deals with the problem of participation of a teacher in a court session during the interrogation of a minor witness. The analysis of relevant normative legal acts, in particular Professional standards in the field of education and science, as well as points of view of representatives of the scientific community. A solution to the problem is proposed. The necessity of making amendments to the procedural legislation is justified.

Keywords: interrogation of the minor, witness testimony, pedagogical worker, educational psychologist, Professional standard.